

ВИТАЛИЙ АМУТНЫХ

Ein Mal ist kein Mal

сцены

Ein Mal ist kein Mal, Drei Mal ist Ein Mal, Ein Mal ist kein Mal, Drei Mal ist Ein Mal, Ein Mal ist kein Mal, Drei Mal ist Ein Mal,

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЖУЛЬЕТТА ПЕТРОВНА – чуть меньше или чуть больше 60 лет; возможно, слегка полновата, что впрочем, отнюдь не безобразит ее

ЭРНА - 102 года, бабушка Джульетты.

АЛИНА – 17 лет, внучка Джульетты Петровны

НАТА
К А Т Я } одноклассники Алины,
ПУШКИН, он же ВИТЯ

ДЖОН, он же ИВАН - 22 года

ВРАЧ

СЦЕНА ПЕРВАЯ,
*в которой рассказывается, как одна пожилая дама
возмечтала о том, чтобы вернуть ушедшую
молодость, и как чудодейственным способом ей этого
удалось достичь.*

Большая комната, обставленная не слишком дорогой, но очень старой дубовой мебелью. На авансцене (несколько справа) массивный овальный стол под зеленой плюшевой скатертью с золотчатым бахромистым краем. За столом сидит Эрна – темное широкое суконное платье, в сумрачном узоре которого можно различить мотив гранатового яблока, вероятно, времен ее молодости; на плечах узорчато дырчатая то ли шаль, то ли мантилья; из-под рукавов платья выглядывают рукава рубашки, отделанные широкой расшитой тесьмой. На шее ленточка с портретной миниатюрой. Остатки седых волос скрыты под декоративной сеткой. Скрючившиеся от старости узловатые пальцы оцепенело лежат на зеленом плюше. Да и сама старуха абсолютно неподвижна, так что можно даже принять ее за манекена. На столе перед Эрной шелковый веер, украшенный черепахой и перламутром, три книги в современных, но изрядно обшарканных переплетах; на одной из них – монокль, рядом разложена разнокалиберная мелочь.

В левой части задней стены большое окно, обрамленное шторами зеленоватого аксамита, как и скатерть – со золотопрядной каймой и кистями. Меж шторами бездонный провал – в его черноте сияет узенькая диадема очень молодого месяца. Перед окном резная конторка. На конторке лежит раскрытая книга. Слышны звуковой сигнал и стук колес где-то далеко проходящего поезда.

Посреди комнаты стоит пара дорожных саквояжей.

Справа большой диван: вроде и современный, но странным образом в стиле своем будто бы намекающий на голландскую готику.

На диване лежит в пижаме Алина, отвернувшись к спинке дивана. Рядом с ней сидит Джульетта Петровна, одной рукой гладит ее раскосмаченную голову, другой – перебирает выставленные на маленьком столике аптечные склянки и шелестящие упаковки с цветными облатками. Вдыхает.

АЛИНА (резко поворачивая голову к Джульетте). Я все равно... (Всхлипывает). Все равно... (Так же резко отворачивается).

ДЖУЛЬЕТТА. Ну будет, будет.

АЛИНА (*поворачивает голову к Джульетте Петровне*). Я все равно вскрою себе вены. (*Резко отворачивается*).

ДЖУЛЬЕТТА (*вновь сострадательно вздохнув*). Что ты говоришь, внученька... Ты хочешь нам с Эрной сделать больно?

АЛИНА (*бубнит в подушку*). Эрне все равно. Эрна вообще ничего не видит уже и не слышит. (*Порывисто поворачивается к Джульетте*). Бабуля, я не хочу делать тебе больно. Я хочу, чтобы ему было больно! Так больно! Так больно, как... Так больно, как он мне сделал больно!

ДЖУЛЬЕТТА. Молодость-молодость... Да что же он такого сделал? Он еще даже...

АЛИНА (*резко садится*). Как что сделал?! Я думала, ты – единственный человек, который может меня понять. А ты!.. Ты-ы... Он целовался с Ксюхой! Жесть!..

ДЖУЛЬЕТТА. Аля, пожалуйста, старайся воздерживаться от уличного арга.

АЛИНА. Что?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет-нет, ничего. Но ты же сама признавалась, что не видела этого.

АЛИНА. Но, когда я вошла, они стояли близко друг от друга.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну и что? Ты говорила, что он поклялся, что любит только тебя.

АЛИНА. Да-а... Один раз.

ДЖУЛЬЕТТА (*невольно усмехается*). О! Конечно.

АЛИНА. Только не надо... вот эту твою поговорку!

ДЖУЛЬЕТТА. Не буду, не буду.

АЛИНА. Вот если бы ты не была раньше училкой немецкого, ты бы ее не повторяла.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, да, конечно, дорогая.

АЛИНА. Как она там?.. Ein Ein Mal...

ДЖУЛЬЕТТА. Ein Mal ist kein Mal, Drei Mal ist Ein Mal.

АЛИНА. Вот-вот. И еще перевод к ней прибавь, как обычно: раз – не удовлетит нас, вот три раза – это раз!

ДЖУЛЬЕТТА. Ну... так. Хоть бы фотографию его показала...

АЛИНА. Нет. (*Через паузу*). Как я ненавижу эту твою поговорку!

ДЖУЛЬЕТТА. Это отчего же?

АЛИНА. От того... От того... От того, что она пра-авильная-а... (*Бросается лицом в подушку. Плачет*).

ДЖУЛЬЕТТА. Аличка, я прошу тебя, не плачь. Выпей пустырника настойку.

АЛИНА. Не хочу-у-у...

ДЖУЛЬЕТТА. А что хочешь? Ну давай я тебе почитаю.

АЛИНА (*долго лежит, громко сопя в спинку дивана, затем медленно поворачивается*). Почитай.

ДЖУЛЬЕТТА (*с готовностью*). Что тебе почитать?

АЛИНА. Это...

ДЖУЛЬЕТТА. Луиджи да Порто?

АЛИНА. Да. Про этих, из Вороны.

ДЖУЛЬЕТТА. Из Вероны...

АЛИНА, Да, про них.

ДЖУЛЬЕТТА (*нерешительно*). Алюша, может, не надо теперь про... Это такая тяжелая история! И мы ее много раз читали...

АЛИНА (*капризно*). Нет, про них хочу.

ДЖУЛЬЕТТА. Давай я тебе из «Занимательной зоологии» почитаю. Про илистого прыгуна. Или про *Sericulus chrysoscephalus*...

Алина отворачивается к спинке дивана, начинает всхлипывать.

ДЖУЛЬЕТТА. Хорошо, хорошо. (*Торопливо поднимается, идет к конторке, берет лежащую на ней книгу*).

В это время какой-то странный звук – то ли скрип, то ли змеиный свист – зарождается в комнате. И не сразу становится ясно, что это смех Эрны – смеясь, она не совершает ни малейшего движения, даже мимического.

ДЖУЛЬЕТТА (*вновь присаживаясь на край дивана возле Алины*). Ну вот. (*Открывает книгу, читает*). История двух благородных влюбленных. Прекрасной и милостивой госпоже Лучине Саворньяни. Давно уже в беседе с вами обещал я записать для вас одну не раз слышанную мною трогательную веронскую новеллу...

АЛИНА. Нет. Нет, с того места, где Ромео пришел к ее балкону.

ДЖУЛЬЕТТА. Хорошо. Сейчас. (*Отыскивает означенное место в книге*). Где это?.. А! Вот. Он же... так... открыл балкон, попытался укрыться в тени стены. Но она узнала его, окликнула по имени и сказала...

АЛИНА, И ты еще уезжаешь...

ДЖУЛЬЕТТА. Всего ж на недельку. Так вот, сказала: «Что вы делаете здесь в столь поздний час?» Он тоже узнал ее и ответил: «То, что угодно Амуру». «Но если бы вас застали, - сказала девушка...

АЛИНА. А ведь ее звали как тебя, да, бабуля?

ДЖУЛЬЕТТА. Да, Джульеттой. «Если бы вас застали, - сказала девушка, - ведь вы могли бы легко лишиться жизни».

АЛИНА. Лишиться жизни!..

ДЖУЛЬЕТТА. «Мадонна, - ответил Ромео, - конечно, я...»

АЛИНА. Ма-дон-на!..

ДЖУЛЬЕТТА. Да. «Конечно я могу легко умереть здесь и наверняка умру как-нибудь ночью, если вы мне не поможете. А поскольку в любом другом месте я столь же близок к смерти, как и здесь, я стараюсь умереть там, где я буду по возможности ближе к вам. Жить же с вами я горячо желал бы всегда, будь на то воля неба и ваша собственная...» (*Осторожно*). Ты спишь?

Действительно, пережитые невзгоды

отобрали у девушки немало сил, и сон внезапно и стремительно овладел ею. Джульетта Петровна какое-то время разглядывает лицо внучки, затем закрывает книгу, с оглядкой поднимается со своего места и на цыпочках идет по комнате, останавливается, задумчиво смотрит перед собой, вдруг как бы впервые замечает Эрну – и так же тихонько проходит к ее столу, садится на стул напротив.

ДЖУЛЬЕТТА (*глядя перед собой в никуда*). Счастливая! Боже, какие они счастливые в семнадцать-то лет. (*Делится она как бы с Эрной, но, вероятно, не слишком рассчитывая на диалог*). И сами того не понимают. Вот если бы... (*Невесело усмехается своим мыслям*). Если бы можно было вернуться, повторить... Если бы мне вновь было семнадцать!.. (*Смеется*). Вот дура старая. (*Тем не менее продолжает*). Если бы мне вновь стало семнадцать... «Стало семнадцать» – какое-то неуклюжее словосочетание. Да какая разница! Семнадцать...

Слышится тихий, какой-то затаенный шелест, и затем...

ЭРНА. Ш-ш-ш ты та меш-ш-шь, main liebe! Ш-ш ты сеш-шь?

ДЖУЛЬЕТТА (*удивленная*). А? Ты что-то сказала?

ЭРНА (*в ее речи все так же сложно распознать слова, но теперь кое-какие из них можно понять*). Я говорю, что ты там мелеш-шь? Что ты несеш-шь, erbaermliche¹?

ДЖУЛЬЕТТА. Да ничего...

ЭРНА. А?

ДЖУЛЬЕТТА. Говорю, как хорошо было бы вновь оказаться семнадцатилетней.

ЭРНА (*невнятность речи усугубляет еще и легко угадываемый немецкий акцент*). Дура. До таки ле дож-жила, а все одно дурой осталась.

ДЖКЛЬЕТТА. Это отчего... так?

ЭРНА. Только дурные люди страшатся старос-сти. Genau so². Не насытивш-шиеся глупос-стями молодости, не избывш-шие их тирании. Любовные утех-хи, пируш-шки. Хэ!

ДЖУЛЬЕТТА (*снисходительно*). Но радости молодости!..

ЭРНА. Вот-вот. Они – точ-чно лютые звери продолж-ж грызть таких дураков... таки дур, как вот ты у меня.

Джульетта от неловкости как-то

¹ Несчастливая.

² Это точно.

кокетливо поводит плечами.

ЭРНА. Alter¹! Старос-сть наконец-то дарит покой, дарит полное освобожд-ждение от всех этих... от с-страс-стей, которые помыкали тобой вс-сякую с-секунду. Что ты брюж-жиш-шь!

ДЖУЛЬЕТТА. Но старость приносит столько проблем!

ЭРНА. Hols der Teufel²! Только тому, кто никогда не вел упорядоч-ч-ч жиз-знь, кто и в преж-ж годы не отлич-чался добродуш-шием.

ДЖУЛЬЕТТА. Неужели я была такая: вела неупорядоченную жизнь и не отличалась добродушием?

ЭРНА. Dumme Gans³. Ты – дура.

ДЖУЛЬЕТТА. Was sagst du so⁴? Мне это все-таки немного обидно.

ЭРНА. Говорю ж-ж – дура. С-старость ist Freiheit⁵. С-свобода! Это ш-шаг к с-свободе.

ДЖУЛЬЕТТА (*принужденно смеется*). Ну с этим я бы повременила. С такую свободой-то. (*Встает, сладко потягивается*). Молодость – это предощущение счастья. Это – когда еще ничего не случилось, но непременно случится – и будет там столько счастья, сколько ты пожелаешь принять, сколько сможешь вместить, столько побед, сколько закажешь, столько света, сколько сумеешь вобрать. Молодость... Это когда чувствуешь, что живешь вечно, когда точно знаешь, что успеешь сделать все, о чем только посмеешь мечтать. А за мечтами будто бы кроется и того большее – некие неизвестные и неведомые, а только предугадываемые подарки судьбы. Такие прекрасные... И вечные! Вечные! Хочу, чтобы мне вновь стало семнадцать.

ЭРНА. Точ-чно? Х-хоч-чеш-ш?

ДЖУЛЬЕТТА. Ах... Если бы то было возможно.

ЭРНА. Отч-чего ж-ж невоз-змож-жно... Тольк не с-советую. Мне не понравилось-сь.

ДЖУЛЬЕТТА. Не понравилось?! (*Насмешливо*). Уж будто ты можешь такое устроить.

ЭРНА. Да ч-что уж-ж тут такого? Могу. Могу.

ДЖУЛЬЕТТА (*недоверчиво*). Ну-ну.

ЭРНА. С-стань вот там.

Джульетта, принимая происходящее за некую забавную игру, повинуется требованиям старухи.

¹ Старость.

² Черт тебя побери!

³ Дура.

⁴ Что ты такое говоришь?

⁵ Это свобода.

Эрна раскладывает перед собой три книги.

ЭРНА. Komm her⁶.

Джульетта подходит. Эрна стягивает со своих костлявых плеч кружевную мантилью, накручивает той на голову.

ЭРНА. Теперь пойдй с-стань там.

ДЖУЛЬЕТТА. Где?

ЭРНА. Там, там, где стояла.

ДЖУЛЬЕТТА. Что мне делать?

ЭРНА. Turnen¹. Зарядку.

ДЖУЛЬЕТТА. Как это?

ЭРНА. So². Как зарядку делают.

ДЖУЛЬЕТТА. Ты смеешься надо мной? Зачем зарядку-то?

ЭРНА. Да не важ-жно ч-что делать, главное – делать ч-что-нибудь.

С навороченной на голову тряпкой Джульетта выглядит, конечно, довольно комично, и, видимо, прекрасно сознает это. Тем не менее, пусть нерешительно, но все же она приступает к неким гимнастическим упражнениям.

ЭРНА. Rasch, rasch³! Пош-шевеливайс-ся! Ч-чтоб тело ж-жару набралос-сь.

С видом священнодействия Эрна Вставляет в глаз монокль, раскрывает перед собой одну из трех книг, берет в одну руку лазерный фонарик, в другую – веер. Красной лазерной точкой она чертит на усердствующей в физкультуре внучке замысловатые знаки, машет в ее сторону веером, и при этом принимается читать своим надтреснутым голосом странную скороговорку.

ЭРНА. Hennegriff Martina u. Müller Hans-Georg, Säbener Str. 94, 81547 München -Untergiesing-Harlaching, 089 54 03 68 69. Müller Hans, Gotthardstr. 131, 80689 München -St. Ulrich, 089 56 55 92. Müller Hans, Leopoldstr. 129, 80804 München - Münchner Freiheit, 089 36 47 63. Müller Hans - 089 3 16 13 41. Müller Hans - 089 1 41 04 97.

⁶ Иди сюда.

¹ Зарядку.

² Так.

³ Быстрее!

ДЖУЛЬЕТТА. Что ты читаешь?! Это же телефонная книга Мюнхена!

ЭРНА (*между делом*). Какая разница? Это не имеет значения. Не останавливайся! Grundschole , Johann-Wolfgang-von-Goethe, Wolfsburger Str. 17

38820 Halberstadt, 03941 44 30 98.

ДЖУЛЬЕТТА (*точно удерживаемая волшебным магнетизмом продолжает свои действия*). Боже, что я делаю!

ЭРНА. Не отвлекайся! Johann Wolfgang Goethe-Universität - 069 7 98 – 0. Goethe Johann Wolfgang - 02680 98 92 73. Goethe Wolfgang – 0351 2 65 49 44. 0341 94 56 98 44. 037754 5 91 61. 030 4 36 28 28.

Прорезываются голоса бесплотных существ¹, составляющие гармонический аккомпанемент; они изощряются в каноне (повторяя отдельные слова в конце фраз, или – целые фразы), бросаясь то в приму, то в октаву, то в верхнюю квинту.

ДЖУЛЬЕТТА. Я схожу с ума...

ЭРНА (*увлекаясь*). Kölling Jörn Der Charmeur, 50933 Köln, 0221 4 84 41 42. Albrecht Markus Zauberer u. Illusionist, 65933 Frankfurt, 069 38 99 98 98. Zauberladen Peters Guy, Königstr. 33-37, 90402 Nürnberg – Lorenz, 0911 24 34 20. Becker Markus Zauberer, Danewerkstr. 16, 24113 Kiel, 0431 31 04 36 5.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему я не остановлюсь?..

ЭРНА. Leipzig-Knauthain. Leipzig Hbf 08:04 - Leipzig-Plagwitz 08:19 - Leipzig-Knauthain 08:34 nicht täglich, 13.

Джульетта плачет.

ЭРНА (*жестко*). Что случилось?

ДЖУЛЬЕТТА. Но... Но-о-о... Это же расписание центрального железнодорожного вокзала Лейпцига-а...

ЭРНА. Какое тебе дело? Ты ищ-щеш-шь рез-зультата? Schweife nicht ab²! Молчи и делай что говорят! (*Здесь ее голос начинает звучать отчетливо, молодо и бесстрастно, как у дикторов на вокзалах*). Berlin Gesundbrunnen. Leipzig Hbf 10:51 - Lutherstadt Wittenberg 11:20 - Berlin Südkreuz 11:58 - Berlin Hbf (tief) 12:05 - Berlin Gesundbrunnen 12:13 nicht täglich, Verkehrstage

И тут некая неведомая сила начинает отрывать Джульетту от земли.

ДЖУЛЬЕТТА (*в ужасе, но при том сдавливая голос, чтобы не разбудить Алину*). А! А! О-о!

¹ В зависимости от технических возможностей и фантазии режиссера бесплотные существа могут быть кинопроекцией, тенями-силуэтами, голографическими объектами, но никогда – живыми актерами.

² Не отвлекайся!

ЭРНА. Hamburg-Altona. Leipzig Hbf 11:58 - Berlin Südkreuz 13:01 - Berlin Hbf (tief) 13:08

Звук дальнего поезда.

ЭРНА. Berlin-Spandau 13:20 - Hamburg Hbf 14:52 - Hamburg Dammtor 15:04 - Hamburg-Altona 15:13 nicht täglich, Verkehrstage!

Джюльетта повисает в воздухе. Глаза ее готовы выскочить из орбит, но она мужественно подавляет рвущийся из нее крик.

ЭРНА (*голос ее вновь меняется – это красивейшее каларатурное сопрано; да и слова она теперь почти пропевает*). Электрон находится в одномерной прямоугольной потенциальной яме с очень высокими стенками. Ширина ямы l . Оценить с помощью соотношения неопределенностей минимально возможную энергию частицы и силу давления электрона на стенки ямы в этом состоянии.

Джюльетту, беспомощно болтающую руками и ногами как раз посередине между полом и потолком, крутит в воздухе, потряхивает. Она хватается за воздух, зажимает себе рот рукой и производит еще множество всяких бесполезных действий.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой! Ой-ой! Ой-йо-йойй!..

ЭРНА (*читает, все ускоряя темп, при этом размахивая веером, зажатым в одной руке, и чертя странные руны красной точкой лазерного фонарика на испытуемой*). В данном случае неопределенность координаты $\Delta x \approx l$. При минимальной энергии можно считать, что $\Delta p_x \approx p$. Тогда согласно соотношению неопределенностей

$$p \approx \frac{\hbar}{l}$$

и полная энергия электрона в яме (учитывая, что потенциальная энергия здесь равна нулю) определяется как

$$E = E_k = \frac{p^2}{2m} \approx \frac{\hbar^2}{2ml^2}$$

ДЖУЛЬЕТТА. Ой! Ой! Ой, я сейчас уписаюсь!

ЭРНА. Если стенка под действием силы F давления электрона переместится на малое расстояние dl , совершенная ей работа будет равна $F dl$. Эта работа совершается за счет убыли энергии E : $F dl = -dE$. Таким образом, с учетом

$$dE = \frac{p^2}{2m} \approx \frac{\hbar^2}{2ml^2}$$

искомая сила равна $F = - \frac{dU}{dl} = - \frac{dU}{ml^3}$

Последние слова вместе с Эрной пропеваает торжественный хор.

ДЖУЛЬЕТТА. Ух! Ох!..

ЭРНА (с прежним косноязычием). Ну вс-се. Genug¹ Сойдет.

Наконец Джульетта вновь касается ногами пола. Она срывает с головы кружевную накидку – волосы ее всклокочены. Оправляя одежду, ощупывая свое тело, лицо, несчастная делает несколько порывистых движений – в одну сторону, в другую.

ДЖУЛЬЕТТА. Зеркало... Где зеркало?!

Она подбегает к зеркалу и... застывает перед ним.

ДЖУЛЬЕТТА (потрясенно). Но... Что это?!

ЭРНА. Что?

ДЖУЛЬЕТТА (горько). Но ведь ничего во мне не изменилось...

И действительно – внешне никаких перемен в ней, вроде бы, не произошло...

ЭРНА. Это тебе так каж-жетс-ся – не из-менилос-сь. Но вс-сякий, кто пос-смотрит на тебя – увидит с-семнадцатилетнюю девиц-цу.

ДЖУЛЬЕТТА (приглядываясь к своему отражению). Н-н... Не-ет...

ЭРНА. Ja

Она тут же впадает в обычное для себя состояние полного безучастия к окружающему.

Раздается дверной звонок. Джульетта Петровна, торопливо пригладив волосы, покидает комнату.

Невнятный шелест приглушенных голосов в отдалении.

В комнату в сопровождении Джульетты Петровны входит средних лет человек в белом халате.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, мы вызывали врача. Но я не знаю... Алина заснула. Разбудить?

ВРАЧ. Думаю, что не стоит. Сон при нервном срыве – лучший доктор. Я просто выпишу вам еще... (Присаживается к столу, достает рецептурные бланки; замечает Эрну). Добрый вечер.

Та никак не реагирует на его слова.

ДЖУЛЬЕТТА (извинительно). Возраст, знаете ли...

¹ Хватит.

ВРАЧ. Понимаю, понимаю. Вы прям как Джульетта Петровна. *(Пишет)*. И еще вот это... *(Мимоходом)*. Девушка, а где она? Джульетта Петровна-то дома? Она ведь звонила.

ДЖУЛЬЕТТА. А...

ВРАЧ. Я-то не первый раз в этом доме. А вот вас вижу впервые. Хотя не скрою, что... мне приятно... это знакомство... *(Отрываясь от рецепта)*. Вы сестра Алины? Похожи... *(Приглядывается)*. Не очень, но похожи.

ДЖУЛЬЕТТА. А-а... Джульетта... Петровна... Она уехала. Внезапно Но ненадолго.

ВРАЧ. Вот. *(Отдает рецепт)*. Здесь все написано. Если что – Джульетта Петровна знает мой телефон. Пойду. До свидания. Не провожайте, я дорогу знаю. Приятно было познакомиться.

*Уходит. Джульетта Петровна делает
вслед за ним несколько шагов.*

Останавливается. Осматривается.

*Подходит к столу Эрны. От стола – к
зеркалу, от зеркала – к кровати, на которой
разметалась в беспокойном сне внучка
Алина. Поправляет одеяло. Затем
взглядывает на часы – подхватывает
саквояжи и покидает комнату.*

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

*С помощью волшебных чар сделавшаяся в глазах
окружающих юной девушкой Джульетта Петровна попадает в
общество молодежи, и что она встречает там.*

Угол здания школы, обрисованный граффити. Ната, Катя и Алина. У Наты в руке, которую та держит за спиной, бутылка с пивом. Время от времени она украдучись отхлебывает из нее или дает отхлебнуть подругам. Слышны детские крики, визги, топот. Где-то рядом то закипает, то стихает мальчишеский спорливый разговор. (- Ты тупой, ниндзя может кулаком стену пробить! – Бетонную не может. – Говорю, может! Ты смотрел «Черный ниндзя»? – Я смотрел «Ниндзя-победитель». – Так то ж не такой. Возьми у Толяна диск. – сам увидишь...) Беседа девушек не менее темпераментна.

АЛИНА. Понятно, я забила стрелку. Пришла эта тварь. С ней еще три телки. Ну и я ж не одна. Вот Ната была.

НАТА. Да, да. О!

АЛИНА. Короче, ушатила я ее. Пусть знает как чужих пацанов кадрить.

КАТЯ. И правильно, Алинка. А то воображает о себе... Подумаешь, родаки мажоры!

АЛИНА. Вот только два ногтя сломала.

НАТА. Все равно ж наклеенные.

АЛИНА. Понятно, наращенные. Так это ж гелевый аквариум. Пятьдесят баксов! И вот – царапины. Здесь и здесь. Еще и колготки порвала мне – между прочим, «Санпеллегрينو».

КАТЯ. Вот же кобыла эта Ксюха.

Девочки передают друг другу бутылку и после каждого глотка прячут ее, заглядывают за угол здания.

НАТА (очередной раз глотнув из бутылки). Кайф. Слушайте, я ж паспорт сделала.

АЛИНА, КАТЯ (вместе). Не гони!

НАТА (оглянувшись и полезла в сумку). Да. Вот. Без паспорта в ночной клуб ведь не пустят.

АЛИНА, КАТЯ (вместе). Дай посмотреть! Дай, покажи!

НАТА (менторским тоном опытного поддельщика). Берешь у подружки, ну, кому уже есть восемнадцать, паспорт. Наклеиваешь сверху ее фотки свою. И ксеришь.

Алина и Катя смеются.

НАТА. Ну... копию делаешь. На ксероксе.

КАТЯ. А копию надо у нотариуса заверить?

НАТА. Нафига?

КАТЯ. И что, с незаверенной копией в клуб пускают?

НАТА. Я что, без крыши, чтоб подставляться? Понятно, пускают. Короче, делаешь копию. Потом с этой копии – еще копию. И так несколько раз. Чтобы получилось так вот... (*показывает образец*) размазано.

АЛИНА. Слушай, надо и себе так сделать.

КАТЯ. Да.

НАТА. Ясен пень. (*Отпивает из бутылки*). Кайф. Вон твоя Ксюха со своим движем в клубы – как на работу. Каждую пятницу, субботу, воскресенье они или в «Лас-Вегасе» или в «Черной пантере» или в «Клубничке». Или еще где.

КАТЯ. А родаки как?

НАТА. Клюшкина Валюха говорит, что с ребенком дежурит. Ну, типа, нянкой работать устроилась. Или – что у подруги ночует. У кого – родичам все равно. А Лилькина мать, так та наоборот поддерживает – говорит, что правильно – в жизни не нужно быть инфа... инфаль...

АЛИНА. Инфантильной.

НАТА. Типа того. А что это такое?

АЛИНА. Не нужно быть лохушкой. Да, Лильку мать поддерживает...

К девушкам подходит Джульетта Петровна. Действительно, ничего не

*изменилось в ней. Только одета теперь она во что-то такое тинэйджеровское, впрочем, достаточно неброское.
Девочки встречают ее настороженно.*

ДЖУЛЬЕТТА. Привет, девчонки. Ты Алина?

АЛИНА (*агрессивно*). Ну я. Тебе чего? Ты от Ксюхи, что ли?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет. Я от Джульетты Петровны.

АЛИНА. От бабули?..

ДЖУЛЬЕТТА. Ага. Она к нам поехала. А я – к вам. Звоню – никого нет, никто не отвечает.

АЛИНА. Да есть там... Эрна. Сидит - три свои книжки читает.

ДЖУЛЬЕТТА. Эрна?

АЛИНА. Это бабуля моей бабули. Моя, значит... Кто? Прапрабабушка. (*Подружкам*). Прикиньте, у нее три любимых книжки есть: расписание жэдэвокзала Лейпцига, задачник по квантовой механике и телефонная книга Мюнхена. И она постоянно их читает.

НАТА. Читает? Телефонную книгу?!

АЛИНА. Да Эрне уже больше ста лет. Так что... Вы понимаете.

КАТЯ. Сто лет!

АЛИНА. Сто два. Или сто три. Что-то в этом роде.

КАТЯ. Никогда не видела столетних...

КАТЯ. А что, люди до столько живут?

ДЖУЛЬЕТТА. Бывает же такое!

АЛИНА. А Эрна у меня...

НАТА. Знаем, знаем – царица.

АЛИНА. Вот припадочная! Никакая она не царица. Просто ее какие-то там дальние-предальние родственники приехали в Россию вместе с принцессой Софьей...

НАТА. ...Фредерикой...

КАТЯ. ...Августой...

НАТА. ...Анхальт-Цербстской. Сто раз слышали. Погоняло вообще сумасшедшее, и видишь - выучили.

Звонок, объявляющий об окончании перемены. Крики: «Звонок! Звонок! Погнали! Бросай! Ну забычку тогда. Опоздаем – опять учиха будет вонять! Погнали!..»

НАТА. Погнали.

КАТЯ. Да, а то физичка у нас, ты ж знаешь, – эсэсовка.

АЛИНА. Я не пойду. Скажете, ко мне родственники приехали. Внезапно.

ДЖУЛЬЕТТА. Как это не пойду?!

АЛИНА. А так.

КАТЯ (*пряча пивную бутылку в рюкзак*). Как хочешь. Но физичка - эсэсовка, ты ж знаешь.

Девочки убегают. Перекличка детских

*голосов не исчезает вовсе, но значительно
снижает.*

ДЖУЛЬЕТТА. Может, все таки пойдешь на урок-то? Нет? Ну ладно. Так вот, Джульетта Петровна сказала, что я могу у вас остановиться. Вот она записку тебе написала. *(Протягивает листок)*.

АЛИНА. А почему она мне ничего не сказала?

ДЖУЛЬЕТТА. Так ты же, вроде, болела... Или что-то такое.

АЛИНА. Ничего я не болела *(берет листок, читает)*. Ты к нам по поводу чего?

ДЖУЛЬЕТТА. А-а... Я в этом году поступать собираюсь... Надо кое-что с документами... Нужно в институт зайти.

АЛИНА *(читает)*. Ну да. Пишет, что ты моя... внучатная сестра... Что это такое – внучатная сестра?

ДЖУЛЬЕТТА. Это трою... *(Осекается)*. Ой, я и сама не знаю. Какая-то... дальняя родня.

АЛИНА. Внучатая... Хм! Такое словечко только старые старухи могут знать. Да? Ты ж, наверное, еще малолетка.

ДЖУЛЬЕТТА. Мне, как и тебе – семнадцать.

АЛИНА *(несколько высокомерно)*. Я думала – шестнадцать.

*К девушкам подходит молодой человек с
пышной шевелюрой.*

АЛИНА. Пушкин, а ты чего не на физике? Хочешь, чтобы Крыса докладную шефу настрочила?

ПУШКИН. Так иди, если докладной боишься.

ДЖУЛЬЕТТА. Пушкин – это фамилия?

АЛИНА. Пушкин – это погремуха.

ДЖУЛЬЕТТА. Погремуха?

АЛИНА. Ну, погоняло, ты поняла. Стихи он пишет. Зану-у-удные-е!

ПУШКИН. Яркие горят свечи,

За столом сидят гости,

Весело звучат речи,

На столе мое сердце...

Сердце острый нож делит,

Каждый гость жует долю,

Лица блеск свечей белит,

По губам течет вишня...

АЛИНА. Во. Заколебал.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну почему? Немного вторично. Немного эвфуистично.

АЛИНА. Чего-чего? Ты что, на филфак поступать готовишься?

ДЖУЛЬЕТТА *(обрадовано)*. Да, собираюсь

АЛИНА. Моя бабуля тоже филологом была. Раньше. Немецкий преподавала.

ПУШКИН. Вы находите мои стихи слишком напыщенными?

ДЖУЛЬЕТТА. Может быть, они и заняты в художественно-литературном смысле... Но как-то скудноваты в философско-

теоретическом осмыслении проблемы. Которую затрагивают. А так - ничего.

АЛИНА. Тоска.

ПУШКИН. Тоска – это плебейское чавканье. Непозетическая пришла эпоха. Кризис интеллектуального чтения! Да и вообще чтения.

ДЖУЛЬЕТА (*с улыбкой*). Смешно ж терять для звучных строк золотое время... В нашем веке зрелом, известно вам, все заняты мы делом.

АЛИНА (*Пушкину*). Витя, чего тебе надо? Иди куда шел. (*Джульетте*). У тебя сигареты есть?

ДЖУЛЬЕТТА (*испуганно*). Ты что, куришь?

АЛИНА. Да так... Иногда. Ты только при случае бабуле моей не вякни – она в обморок упадет.

ПУШКИН (*Алине*). Может, я пришел тебе стихи почитать.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, было бы интересно послушать.

АЛИНА. А вот этого как раз и не надо.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему? (*Пушкину*). И?

ПУШКИН. Фиолетовый вечер коснулся

Виноградной изящной лозы.

Лунный блеск, шаловлив, вострепнулся,

Зажигая магнолий листья.

Вижу вас я в беседке интимной.

Платья цвет – миндаля лепестки.

В томной позе, в тоске беспричинной

Созерцаете звезд угольки.

Утомленные лилии белы

Вас ласкают дыханьем своим,

И амурсы незримые стрелы

Сыплют градом... А я - невредим!

Афродиты краса прозаична

В блеске вашей, банальна, скупа.

О, любил бы я вас безгранично,

Ниспошли вам Всевышний ума.

АЛИНА. Да ты уже заморочил. Еще и старомодные какие-то... Бред, короче.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему? Дань туманному романтизму. Вослед за немецкой традицией - *Sensucht*. Правда, при этом в них присутствует некоторая а-сексуальность... впрочем, вообще присущая русской лирике девятнадцатого века ...

ПУШКИН. А я и не стремлюсь к взаимолобовному общению с толпой.

ДЖУЛЬЕТТА (*Пушкину*). Как вас зовут?

ПУШКИН. Витя.

ДЖУЛЬЕТТА. Виктор, вы не собираетесь посетить урок физики?

АЛИНА. Я фигею! Устроили цирк – на «вы» друг к другу...

ПУШКИН. А зачем мне физика? Я не хочу быть прославителем мира плоти.

ДЖУЛЬЕТТА. Вы не правы, Виктор. Все явления в этом мире отражаются одно в другом. А уж поэзия и физика – точно сестры. Как музыка и математика.

АЛИНА. Жесть!

ПУШКИН. Да? Ну ладно. Тогда пойду.

АЛИНА. Ты уже опоздал.

ПУШКИН. Ну опоздал. Надеюсь, за это физичка не станет мне загонять иголки под ногти.

АЛИНА. А вот и не факт. Очень даже может быть.

ПУШКИН. Всего наилучшего, милостивые дамы. (*Уходит*).

ДЖУЛЬЕТТА. Приятный молодой человек.

АЛИНА. Конечно. Только идиот.

ДЖУЛЬЕТТА. Я тебя понимаю. Помнишь, Чернышевский писал?.. Где это?... А! В статье «Русский человек на rendez-vous». Ну, там про то, что русский мужчина вместо того, чтобы проявить решительность в отношении к приятной ему особе все морализирует, рефлексит и вообще бестолково медлит, весь преисполнен сомнений и колебаний.

АЛИНА (*с нескрываемым удивлением смотрит на Джульетту*). Ты так говоришь... как будто бы тебе... не знаю... уже сто лет. Как моей Эрне. Хотя Эрна – она уже вообще редко говорит. Да и все равно ничего из ее слов не поймешь. Сама сейчас увидишь. Пошли, что ли.

ДЖУЛЬЕТТА. Куда?

АЛИНА. Куда-куда... Домой, понятно.

ДЖУЛЬЕТТА. А уроки... Может, все-таки... А? Я бы здесь подождала. Или позже подошла.

АЛИНА. Не гони беса. Пошли. Ты уже как моя бабуля

Они делают несколько шагов, и Алина резко останавливается.

АЛИНА. Да! А как тебя зовут? Мы тут болтаем-болтаем уже столько...

ДЖУЛЬЕТТА. Зовут?.. Юлия.

АЛИНА. Странно. Никогда о тебе не слышала.

ДЖУЛЬЕТТА. Да?.. Мне о тебе тоже перед самым отъездом рассказали. Не удивительно. Сейчас как люди живут? Отстраненно друг от друга. Раньше, скажем, жильцы дома все друг друга знали. Свадьбы, поминки – непременно вместе. К каждому празднику вот такие стопки открыток рассылали – родственникам, знакомым, полужнакомым, случайным попутчикам. Один раз в купе поезда поговорили – а потом за годом год открытки друг другу шлют к каждому празднику. Еще лет двадцать пять назад так было...

АЛИНА (*подозрительно*). Откуда ты знаешь, как оно было двадцать пять лет назад?

ДЖУЛЬЕТТА. Так это... Рассказывали. Эти... Старые.

АЛИНА. Слушай, у тебя деньги есть?

ДЖУЛЬЕТТА. Есть, конечно.

АЛИНА. Давай по дороге пива возьмем.

ДЖУЛЬЕТТА (*потрясенная*). Пива?! Ты что!.. Нельзя. Ты что, пьешь?! В молодые годы алкоголизм прививается моментально...

АЛИНА. Что-то я не поняла... Ты чего меня лечишь? Ты что мне, мать? Или, может, бабуля?

ДЖУЛЬЕТТА (*взяв себя в руки*). Нет. Нет, конечно. Давай возьмем. Но только одну. На двоих.

Уходят. На кирпичной стене среди прочих граффити сияет свеженаведенная надпись – «Ксюха Д. – сука».

СЦЕНА ТРЕТЬЯ,

в которой Джульетта Петровна узнает много нового о своей внучке и мире, в котором та обретается.

Та же комната, что и в первой сцене, но теперь в обрамлении зеленых бархатных портьер сияет солнце, наполняя, пронизывая своими лучами всё эфирное тело как бы округлившегося пространства. Прежде темно-оливковая зелень обстановки теперь играет золотыми переливами, а мрачная мебель приобрела насыщенные медово-янтарные оттенки. Откуда-то очень издалека прилетает легкий как дыхание шум бегущего поезда.

За столом перед своими книгами и многочисленными финтифурюльками все также – недвижимо сидит Эрна, напоминая собой безжизненную куклу.

На поставленном посреди комнаты стуле сидит Джульетта. Вокруг нее вышагивает Алина. На собранном диване - груда одежды. Рядом на полу стоит раскрытая большая спортивная сумка.

АЛИНА (*тоном, не предполагающим возражений*). Значит так, сейчас идем на корты.

ДЖУЛЬЕТТА. Куда?

АЛИНА. На корты. В теннис - умеешь?

ДЖУЛЬЕТТА (*тревожно*). Я-а... давно в руки ракетку не брала.

АЛИНА. Сколько?

ДЖУЛЬЕТТА. Э-э...

АЛИНА. Сколько? Что, год?!

ДЖУЛЬЕТТА. Да. Год.

АЛИНА. М! Год – это, конечно, дофига. Ничего. Быстро вспомнишь. У тебя теннисной формы, конечно, с собой нет...

ДЖУЛЬЕТТА (*радостно*). Нет!

АЛИНА. Забей – мою наденешь. У меня – пять комплектов.

ДЖУЛЬЕТТА. Твою-у?... Но... Она, может, на меня не налесть...

АЛИНА. Как «не налесть»? У тебя что, крыша протекла? Да ты худее меня.

ДЖУЛЬЕТТА. Да?!!

АЛИНА (*оценочно осматривая Джульетту*). М-м... да... Думаю, что да. (*Роется в горе вещей, наваленных на диван*). Вот эта... Или нет, лучше эта. Эта поновей. Будешь беленькой как Снегурочка! На! (*Бросает теннисную юбочку и топ Джульетте*). Примеряй-ка. Пока так – сверху надень. Прикинем.

Нерешительно Джульетта Петровна, натягивает на себя, удрученно сопя, белоснежную плиссированную юбочку – и о чудо! – та оказывается ей впору.

ДЖУЛЬЕТТА. Подошла...

ЭРНА. Хэ!

Джульетта Петровна озирается.

АЛИНА. Это Эрна. Это она сама с собой.

АЛИНА. Ну вот. А ты боялась! Я ж говорю, ты худее меня.

ДЖУЛЬЕТТА (*потрясенная осматривает себя*). Правда? Я...

АЛИНА. Правда-правда. А завтра в ночной клуб пойдём. Только надо успеть до того ксивы сделать.

ДЖУЛЬЕТТА. В клуб? Может, не надо в ночной? Ну что там делать?

АЛИНА. Я вообще-то тоже ночью больше спать люблю. Так только там и можно с нормальными пацанами познакомиться. А то так и придется с одними Пушкиными тусить.

ДЖУЛЬЕТТА. А что значит «нормальные ребята»? В твоём понимании.

АЛИНА. Ну постарше.

ДЖУЛЬЕТТА. Как постарше? Вот твоему парню сколько было?

АЛИНА (*с подозрением*). Было?... А откуда ты знаешь, что мы с ним разбежались?

ДЖУЛЬЕТТА. Да я не знаю... Расстались или нет... Так сказала...

АЛИНА. Джону - двадцать два. И мы еще не совсем разбежались.

ДЖУЛЬЕТТА. Двадцать два?

АЛИНА. А что, у Кристины бой-френд вообще старый. Двадцать шесть!

ДЖУЛЬЕТТА. Джон? Он иностранец?

АЛИНА. Какой еще иностранец! В паспорте – Иван. А мы Джоном зовем. Потому что он в Англии учился. Полгода. Или не в Англии?... Не важно. Где-то там.

ДЖУЛЬЕТТА. А чем он занимается? Учится? Работает?

АЛИНА. Сейчас кочумает. Ну, без дела сидит. Так... немного травкой приторговывает.

ДЖУЛЬЕТТА (*от потрясения тараща глаза*). Трав-кой?! Марихуаной?!

АЛИНА. Да. А чего это ты? Просто как моя бабуля. Ну травкой. Ну приторговывает. У него отец – какая-то там ментовская шишка. Кажется, отдел по незаконному обороту наркотиков.

ДЖУЛЬЕТТА. А бывает законный?

АЛИНА. Не знаю. Так что, у его отца на работе целые залежи конфискованной наркоты. И кокс есть, и гаррик. Но Джон с этим не хочет связываться. А трава, так мешками в кабинете стоит. Что ей даром стоять? Он и приторговывает чуток. Теперь все приторговывают. Рынок же. А как еще?

ДЖУЛЬЕТТА. Что... никак?

АЛИНА. Никак.

ЭРНА. Хэ!

*Джюльетта Петровна вновь встревожено
оглядывается.*

АЛИНА. Да это Эрна. Не обращай внимания.

ДЖУЛЬЕТТА. Может, не пойдём на корты?

АЛИНА. Как это не пойдём?! Пойдём, конечно. Нам нужно встретиться там с Лайтом. Ди-джеем.

ДЖУЛЬЕТТА. А он нам зачем?

АЛИНА. Ты чего, совсем упрела? Мы завтра идем в клуб.

ДЖУЛЬЕТТА. Допустим.

АЛИНА. Что в клубе делать, если у тебя там нет своего диджа?

ДЖУЛЬЕТТА. Танцевать?.. Я так думаю.

АЛИНА. Ну ты вообще! Как ты там будешь пацанов цеплять? Подойдешь и скажешь: «Привет, давай познакомимся»?

ДЖУЛЬЕТТА. Наверное, так...

АЛИНА. Ты что, никогда в ночных клубах не была?

ДЖУЛЬЕТТА. Ну почему же?.. Вообще-то нет.

АЛИНА. Оно и видно. Как ты думаешь, за кого тебя парень примет, если ты такое вот ему залепишь?

ДЖУЛЬЕТТА. Что... *(Многозначительно)*. Да?

АЛИНА. Да. А у ди-джея много знакомых. Он может как-то так...

ДЖУЛЬЕТТА. ... ненавязчиво.

АЛИНА. Вот-вот, ненавязчиво...

ДЖУЛЬЕТТА. ...представить.

АЛИНА. Видишь, все ты, оказывается, правильно понимаешь. Только что ж мы наденем?..

ДЖУЛЬЕТТА *(кивая в сторону дивана)*. Да вон сколько всякого тряпья.

АЛИНА *(покровительственно и насмешливо)*. Это все говно мамонта.

Подходит к дивану, берет в руки одну вещь за другой, быстро осматривает их и с пренебрежением швыряет назад.

ДЖУЛЬЕТТА. Что ты говоришь, правда?

АЛИНА. Конечно. Мы же хотим с мажорными мэнами познакомиться.
Берет в руки несколько вещей, подходит к Джульетте Петровне и поочередно прикладывает к ней каждую из них. Оценивающе присматривается. А та при этом аж затаивает дыхание.

ДЖУЛЬЕТТА. Конечно, с мажорными. (*Тронутая сомнением*). А что значит – «с мажорными мэнами»?

АЛИНА. Состоявшимися. При деньгах. Перспективными. Чтобы познакомилась – и пошла по жизни пруха. А для того, чтобы такой парень захотел с тобой говорить, нужно и прикид иметь соответствующий.

ДЖУЛЬЕТТА. Прикид?

АЛИНА. Ну ты точно – филолух! Да, прикид. Одежду. Платье не за три копейки, а баксов хотя бы за... восемьсот.

ДЖУЛЬЕТТА, А что, эти мэны... Ну, которые - «нормальные парни». Они что, разбираются, сколько стоят платья?

АЛИНА. Нормальные-то? Да с одного взгляда определяют, какой брэнд, в Европе произведено или в Турции и в каком бутике куплено.

ДЖУЛЬЕТТА. А Турция – не Европа?

АЛИНА. Турция – не Европа.

ДЖУЛЬЕТТА. Понятно. Хотя частично она все-таки... Любишь Европу?

АЛИНА. Приходится любить. Заставляют. Хотя... Мои родаки сканали туда пять лет назад. В Италию. На заработки. Мама – санитаркой устроилась в больницу. Отец – строителем каких-то там овощехранилищ. Ты не думай, у них у обоих образование высшее. У отца даже степень есть. Или была... Не знаю, как там... сохраняется или нет...

ДЖУЛЬЕТТА (*осторожно*). Удачно у них там, в Италии?

АЛИНА. Сначала хотели годик-другой - подзаработать. Купить кое-что в дом. Прибарахлиться. Мне на институт собрать. За все нужно такие бабки отваливать! Во-от. А потом и там какие-то проблемы начались. Эти вечные кризисы. Урезали оплату. Подняли цены на жилье. Долги появились. И зависли они. Зависли на неопределенный срок. Теперь уже и мэйлы шлют реже. А то чуть не каждый день по скайпу общались. Мама в слезах - первое время. Отец редко вместе с ней был. Он эти свои овощехранилища где-то по таким диким деревням строит, что от наших они, видимо, мало чем отличаются. Так что, любить мне Европу или не любить... Не знаю. Нет, деньги они, конечно, присылают. Слушай, чего это я тебя грузю? (*Швыряет отобранные для примерки вещи в общую кучу*). Нет, это все не пойдет. Однозначно. Придется опять у Лильки клянчить. Ты бы видела, в чем она прошлый раз засветилась! Меня ее феньки просто прибили.

ДЖУЛЬЕТТА. Давай я попрошу.

АЛИНА. Ты с подушек упала? Она тебя не знает. Как она тебе шмотку даст ценой под штуку зелени? Фигня. Хорошо, это я буду колготиться. Это я на себя возьму. Или ты не хочешь в клуб?

ДЖУЛЬЕТТА (*она явно в растерянности*). Нет. Вообще-то хочу... Или... Не знаю. Хочу. Да, хочу.

АЛИНА. Вот и заметано. Завтра пойдем. А сейчас – на корт. (*Принимается сбрасывать в сумку спортивную форму*). Надо же к завтрашнему себя в порядок привести.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну я-то за раз вряд ли успею.

АЛИНА. Ты и так классная. Приоденешься – все пацаны твои будут.

ДЖУЛЬЕТТА (*поднимается со своего места, приближается к навалу вещей на диване*). А можно... Можно я сейчас что-нибудь из этого надену.

АЛИНА (*покровительственно*). Надень.

ДЖУЛЬЕТТА (*вытаскивая из вороха вещей едва ли не самую броскую*). Вот это.

АЛИНА. Ты чего! Отстой. Такое уже полгода не носят.

ДЖУЛЬЕТТА. А это?

АЛИНА. А это вообще не знаю, как у меня оказалось. В таком будешь как старая корова выглядеть – все будут думать, что тебе уже двадцать шесть.

ДЖУЛЬЕТТА. Ничего, ничего. Пусть думают, что двадцать шесть.

АЛИНА. Как хочешь. Вообще-то тебе так... вроде, и ничё.

Джульетта Петровна тут же бросается наряжаться, выбирая самые умопомрачительные модели, самые экстравагантные аксессуары. Алина с заинтересованностью и, пожалуй, удивлением наблюдает за нею, время от времени даже не успевая прикрыть это удивление насмешкой.

ДЖУЛЬЕТТА (*завершая экипировку навешиванием на шею какого-то странного крупного украшения*). Ну как?

АЛИНА (*поджимая губы и покачивая головой*). Ну ты меня высадила своим подборчиком. Жесть! Такого даже я не откалываю.

ЭРНА. Хе!

ДЖУЛЬЕТТА (*с тревогой*). Что?

АЛИНА. Не обращай внимания. Это она сама с собой. Сто два года! Или сто три... Что, погнажи?

ДЖУЛЬЕТТА. А давай... давай по дороге пива возьмем.

ЭРНА. Хе!

АЛИНА. Вот это, я смотрю, тебя расколбасило! Мраки. Ты ж такая правильная была! А теперь тебе пошла для рабов захотелось.

ДЖУЛЬЕТТА. Для рабов?

АЛИНА. Ну пиво-то из киоска – оно для кого? Для олигархов, что ли?

ДЖУЛЬЕТТА. И почему ты думаешь, что я уж такая правильная? Нет.

АЛИНА. Сейчас мы на тренировку собрались. Никакого пошла!

ДЖУЛЬЕТТА. А дай мне тогда твой... этот... *(Показывает рукой)*.

АЛИНА. Эмпэтришник?

ДЖУЛЬЕТТА. Да? Ну да!

АЛИНА. Ты откуда приехала? Из монастыря? Или из колонии для несовершеннолетних? У вас там что, вообще ничего нет? На. *(Дает плеер)*. Пошли уже, сиротка.

Уходят.

ИНТЕРМЕДИЯ

*Эрна за своим столом, крытым темно-зеленым плюшем,
читает книгу, вставив в глаз монокль.*

*Время от времени слышится некий
невнятный шум - то ли шелест крыльев,
то ли приносимые ветром обрывки
загадочного детского многоголосия.*

ЭРНА. Magic Disco Heinz Nawrath Mobile Disco - Feldstr. 35, 27751
Delmenhorst Iprump/Stickgra, 04221 85 08 60.

Magic-Music-Disco u. Veranstaltungsservice - Schmiedeweg 28, 14612,
Falkensee, 03322 20 04 07.

Magic of Music Kai Schimanski Licht- u. Beschallungstechnik mob. Disco –
Vahrer Str. 95, 28309 Bremen, Sebaldsbrück, 0421 45 26 01.

Veranstaltung- u. DJ-Service die fantastischen zwei - Wolkersdorfer Str. 47,
35099 Burgwald, 0800 2 42 24 24, Disco-Markt - Industriestr. 2, 23769
Fehmarn Burg auf Fehmarn, 04371 93 33

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой Джульетта Петровна попадает на дискотеку,
где встречает молодого человека, внушившего ей
глубокую симпатию.*

*Дансинг. Гремит музыка. С самодовольным полумраком бьется
мерцающий крашеный свет. Лазерные проекторы рисуют всяческие
контурные рисунки или – просто геометрические фигуры.
Генераторы тумана генерируют туман, размазывая и без того
полуреальную реальность. Генераторы мыльных пузырей генерируют
мыльные пузыри, странно замирающие в полете под вспышками
стробоскопа. Там и здесь пульсируют силуэты танцующих людей¹.*

¹ Как и в случае с бесплотными помощниками Эрны, автор не рекомендует режиссеру использовать здесь реальных актеров.

Сквозь музыку слышны экстатические выкрики многочисленных искателей наслаждений, взвинченных алкоголем и прочими наркотиками.

В центре площадки откалывает невероятные па Джульетта Петровна, рядом с ней много сдержаннее трясется в постоянно повторяющихся телодвижениях Алина.

ДЖУЛЬЕТТА (она кричит, силясь преодолеть мощь музыкальной машины). Ну как? Как я теперь?

АЛИНА (так же отвечает криком). А... Нормально. О! О, смотри – мой Владик нарисовался.

ДЖУЛЬЕТТА. Владик? Это теперь твой парень?

АЛИНА. Да вот еще! Я его держу во френд-зоне.

ДЖУЛЬЕТТА. Понятно. (Задумавшись). А это как?

АЛИНА. Это так.

ДЖУЛЬЕТТА. Мы же твоего Ваню... то есть – Джона ждем?

АЛИНА. Да никого мы не ждем. Вот еще! Так, что это мы скучаем беспонтово? Ты тут продолжай, а я пойду к бару кинусь – дринч нам возьму. Потом к диджу подскочу – заодно спрошу не было ли Джона. (Осекшись). Ну... и вообще – нормальных ребят. Не скучай тут. И сильно-то не прыгай: платье арендное, где-то порвешь – как потом будешь за него отстегивать Лильке?

Алина уходит. Какое-то время Джульетта Петровна удерживается от распирающей ее веселости, но пульсирующая толпа, от перемещения лазерных огней напоминающая шевелящиеся обои, выталкивает к ней весьма привлекательного молодого человека в черном блестящем кожаном-металлическом байкерском облачении, и, в конце концов, Джульетта дает волю переполняющим ее эмоциям в неустойчивой пляске.

Но как одна волна ритмично содрогающейся орды выбросила Джульетте Петровне партнера по танцу, так следующая – унесла его.

Рядом с Джульеттой появляется Витя по прозвищу Пушкин, останавливается рядом, но Джульетта Петровна, увлеченная уже не столько пляской, сколько высматриванием сгинувшего танцора, не сразу замечает его; заметив же – останавливается, с трудом переводя дыхание.

ДЖУЛЬЕТТА. Ого! А что, поэты посещают такие заведения?

ПУШКИН. Да и я относительно вас не мог такое предположить. Однако же... Видимо, все-таки жизнь вынуждает. А поэт – он вообще должен быть со своим народом.

*Чтобы быть услышанными, им приходится
кричать во все горло, преодолевая
грохотанье музыки.*

ДЖУЛЬЕТТА. М-м! Но судя по выражению вашего лица, вы как-то недовольны своим народом, нет?

ПУШКИН. Как говорил Иосиф Виссарионович Джугашвили, у меня нет другого народа.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, закомуристое положение складывается: и тут не то, и там не это...

ПУШКИН. Ничего, пробьемся. Всё равно все это – одна иллюзия.

ДЖУЛЬЕТТА. Что – это?

ПУШКИН. Да все. Хоть бы и эта толпа, эти люди – то ли есть они, то ли только кажутся.

ДЖУЛЬЕТТА. Так вы не просто поэт. Вы – поэт-философ. Солипсист! Шуппе. Штирнер!

ПУШКИН. Каждому разоблачению
Предшествует облачение,
Каждому облачению
Предшествует облачность часа,
Когда облаков покрывала
Кроют большие от страха
Глаза.

ДЖУЛЬЕТТА. Вы здесь ради Алины?

ПУШКИН. Не думаю, что ради. Так, изучаю материю – источник ощущений.

ДЖУЛЬЕТТА. О! Да вы солипсист-материалист!

ПУШКИН. Может, я здесь ради вас. Или еще кого-то...

ДЖУЛЬЕТТА. Знаете, Витя... Вас ведь так, кажется, зовут? Тогда вам нужно сменить, как теперь говорят, имидж. Женщины не любят философов. Женщины терпеть не могут Дон Кихотов, что бы они вам ни говорили. И к поэтам относятся с большим подозрением.

ПУШКИН. Да?

ДЖУЛЬЕТТА. Вы этого не знали?

*К Джульетте Петровне и Вите
протискивается сквозь дрожащую
человеческую массу Алина. В обеих ее
руках бокалы с каким-то мерцающим
питьем анилиновой расцветки.*

АЛИНА (Пушкину). О, Пушкин, ты тут еще чего трешься? Давай вали.

ПУШКИН. Говорю, Вам, любимая, бросьте,
Вы не Парка. Натянута нить.
Я не с разума, только со злости

Собираюсь еще пожить. (*Уходит*).

АЛИНА. О! Торкнутый какой-то.

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем ты с ним так?

АЛИНА. А как надо?

*Музыка на какое-то время заглушает
голоса.*

АЛИНА. На вот. Махито. Слушай, Лайт, дидж, сказал, что Джон, кажется, тут. Есть еще ребята. Сын городского судьи. И Боря Пасхавер - племянник хозяина сети супермаркетов. Фотокарточка у Бори, правда, подлянская... Но дядя – бобёр. Босс сети супермаркетов.

*Вновь появляется тот молодой человек -
Обладатель складной спортивной фигуры,
обтянутой сверкающей черной кожей, с
которым только что танцевала
Джульетта Петровна.*

АЛИНА. Привет. Как дела?

ДЖОН. Здорова! Все пучком! Кого выпасаем?

АЛИНА. Да уж не тебя. Прошвырнулись сегодня с сестрой по бутикам – кое-что прихватили. Думаем, зайдем в этот сарай – тусонемся чуток, засветимся.

ДЖОН. Решила такой же прикид, как у Лильки прикупить?

АЛИНА (*невозмутимо*). Ну не совсем такой. Типа.

ДЖОН. А что сестра все молчит?

ДЖУЛЬЕТТА. А я не молчу. Вы, наверное, спортом занимаетесь?

ДЖОН. Мы? Кто - мы?

АЛИНА. Сестра у меня, в отличие от тех дурилок, с которыми ты привык общаться, девушка воспитанная – и к незнакомым обращается на «вы».

ДЖОН. Ни фига себе! Круто.

АЛИНА. Да, прикинь, бывают и такие девушки. Не только как твоя Ксюша.

ДЖОН. Да чего она моя?

ДЖУЛЬЕТТА (*восхищенно глядя на Джона*). А каким спортом вы занимаетесь?

ДЖОН. Пауэрлифтингом.

ДЖУЛЬЕТТА. Это что?

АЛИНА. Железо тягает. Кто большую железяку поднял – тот крутяк.

ДЖУЛЬЕТТА. В соревнованиях принимаете участие, да?

ДЖОН. Принимаю.

ДЖУЛЬЕТТА. Это же со штангой, да? Тяжелая атлетика? И какой вес вы можете одолеть?

ДЖОН. Одолеть! (*Усмехается*). От груди жму – двести тридцать два.

ДЖУЛЬЕТТА. Ого! Это же ужас! Какой сильный! А что это вы так... У вас такой...

АЛИНА. ...куртец? Так он же у нас еще и байкер. Видишь, какой прикид крезовый.

ДЖУЛЬЕТТА (*восхищенно*). Такие бутсы... мощные. Мотоциклист?

АЛИНА. Да. Только сумасшедший.

Музыка вновь полностью накрывает голоса, - остается одна артикуляция да еще мимика и жесты, выстраиваемые стробоскопом в фото-раскадровку .

АЛИНА. Ладно, что ты за нас зацепился? Тебе, наверное, надо походить - Ксюшу поискать. Или эту, сисястую – Софу. Я ее здесь видела. (*Саркастически*). Такая чикса - полный приход.

ДЖОН. Да ничего мне не надо.

АЛИНА. Да? Уже не надо? Хм, как все быстро меняется!

ДЖОН. Леху-БМВ не видела?

АЛИНА. Зачем он мне нужен?

ДЖОН. Пойду.

ДЖУЛЬЕТТА. Да ведь мы вас не гоним. Можете задержаться.

АЛИНА. Нечего. Пусть идет себе.

ДЖУЛЬЕТТА (*пожимая плечами*). Ну...

ДЖОН. Еще пересечемся. (*Уходит*).

АЛИНА. Что ты слюни распустила? Глазенки потупила – как курица!

ДЖУЛЬЕТТА. Д-д... ничего такого... Странная какая фамилия – Бээмвэ.

АЛИНА (*пристально смотрит на нее*). БМВ – это не фамилия. БМВ – это марка машины.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой!

АЛИНА. Так вот они живут. Вон у папаши Джона (*кивком указывает вслед ушедшему байкеру*) – Порш, у мамами – Ягуар. У него – Харлей, байк за сорок штук баксов. Ну и тачка, понятно, тоже. Нормально, да? Ну пусть папаша у него не просто мент, а шишка ментовская. Но для ментовской семейки, да?

ДЖУЛЬЕТТА. Джон? (*С тревогой*). Какой Джон? У тебя же... Так это Джон? Твой Джон?

АЛИНА. Да ничего он уже не мой. Что, понравился?

ДЖУЛЬЕТА. Ты что?! Ничуть не понравился.

АЛИНА. Да ладно – не понравился. Кудахтала тут – ах, какой спортивный, ах, какой сильный!

ДЖУЛЬЕТТА. Это я так... Из вежливости.

АЛИНА. И слюни до подбородка повесила – из вежливости. Ты на него очень-то рот не разевай. Мы с ним, конечно, сейчас не контактим. Но это ничего не означает. Въехала?

ДЖУЛЬЕТТА. Въе... Да... Я ничего и не... не того...

Из мрака, перемешанного с пятнами светодиодных LED-досок и причудами ультрафиолетовых светильников,

выплывает Пушкин.

АЛИНА. Вот, смотри – Пушкин. Хороший мальчик. Стихи сочиняет. Мне показалось, тебе по приколу было с ним болтать.

ДЖУЛЬЕТТА. Болтать – по приколу.

АЛИНА (*Пушкину*). Ну как там, Витек, новых стихов подсочинил?

ПУШКИН. Тихо плачет смешной триолет

Над останками радужных бликов.

В небе траурных туч фиолет.

Тихо плачет смешной триолет.

Мне открылся блаженства секрет

В тяжком сне, в одиночестве диком.

Тихо плачет смешной триолет

Над останками радужных бликов.

АЛИНА. Супер, Пушкин! Что значит талант, да, Юльчик? Что ты вертишь головой по сторонам?

ДЖУЛЬЕТТА. Ничего я не верчу.

АЛИНА. Из-за музыки я, правда, не все услышала. Но стихи отпадные. Говорю тебе - супер! У тебя деньги есть?

ПУШКИН. Есть сколько-то...

АЛИНА (*в нетерпеливом жесте протягивая руку*). Дай девушкам на такси.

ДЖУЛЬЕТТА. Не надо. Зачем это?

АЛИНА. Ты же не хочешь, чтобы мы среди ночи пробирались домой огородами? А вдруг – бандиты? А вдруг – маньячила какой?

ПУШКИН (*послушливо отдавая деньги*). Так я могу вас проводить.

АЛИНА. А вот это не надо. Хоть ты и подкачал банки, пока стихи писал, и теперь кого угодно можешь завалить... Все-таки лучше такси: вж-ж-жик – и к самой форточке. (*Уходя*). Спасибо, Витек за помощь. А ты можешь еще чего-нибудь тут почитать. Музон мощный, так что вряд ли твои бузюльки кого-то тут достанут. Целую. Досвидос!

ДЖУЛЬЕТТА. До свидания, Виктор.

Алина и Джульетта Петровна уходят.

Пушкин стоит, глядя им вслед.

ПУШКИН (*тщетно пытаюсь перекричать музыку*).

Кто-то интригу вьет,

Кто-то кому-то приснился,

Кто-то кого-то пьет,

Я в тебе растворился.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Джульетта Петровна наедине встречается с молодым человеком, завладевшим ее сердцем,

однако сладость встречи омрачает внезапное появление Алины.

Комната. Те же зеленые мохнатые ткани и старая дубовая мебель. На полу сидит Джульетта Петровна. Уши заткнуты наушниками плеера. Одну ногу она задрала на стул – красит на ней ногти в черный цвет. Звонит здесь же на полу стоящий телефон. Джульетта Петровна вытаскивает из одного уха наушник, прикладывает к нему телефонную трубку, при этом продолжая свободной рукой крашивать ногти.

ДЖУЛЬЕТТА. Кто? Питон? Зачем же - Саша? У тебя очень симпатичное, эротичное прозвище. Да, привет. Угу... Угу... Угу... Я так и предполагала. Знаешь, Сашик, давай как-то в другой раз. Я не говорю, что против. Но лучше – в другой раз. Да занята. Очень занята. Вот-вот. Как? Еще раз – как? А. Жизнь забодала грузить своими гиморами? Вот это верно. Именно так как ты говоришь. Звони.

Кладет трубку. Вставляет в ухо наушник, но не на долго – раздаётся следующий звонок.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему же не узнала? Такой голос и не узнать! Петр Владимирович... Нет, можно все-таки я буду вас по отчеству называть – так мне будет... проще. Да, привыкнуть. Петр Владимирович, я сейчас ужасно занята. Верно, школьные задания. Отличница. Спасибо. Конечно, увидимся. Нет, к школе приходить не нужно. Ой, вот уже мама зовет... Все, цём-цём-цём. (*Кладет трубку. Самой себе - удивленно*). Цём-цём-цём... Когда это я успела выучить?..

ЭРНА. Хэ!

Ногами с черными ногтями Джульетта Петровна делает перед собой различные красивые движения, любуясь ими. И тут раздается еще звонок. Но на этот раз – дверного звонка Неторопливо, будто копируя свою внучку, Джульетта Петровна шестует в прихожую.

ЭРНА. Currlin Orchideen, Inh. Zeuner Franz, Orchideen, Grabpflege, Balkonpflanzen, Rollrasen, Baumschule, Seeweg 97215 Uffenheim Welbhausen, 09842 85 88.

Floraland Gebr. Roth GmbH, Orchideen, Floraland, Gartencenter, Gartengestaltung, Pflanzen, Baumschule, Wehrgasse 2b, 08297 Zwönitz, 037754 71 00,

Deutsche Orchideen - Gesellschaft e.V. Geschäftsst... Im Zinnstück 2, 65527 Niedernhausen Königshofen, 06127 7 05 77 04.

Джульетта Петровна возвращается с Джоном. В руке у Джона ветка цимбидиума сорта "Green Perfection".

ДЖУЛЬЕТТА. Да нет ее. Видите.

ДЖОН. Угу. Так что?.. Так я тогда что?.. Пойду?

ДЖУЛЬЕТТА. Как хотите. Можете позже зайти.

ДЖОН. Да, я позже подскачу.

ДЖУЛЬЕТТА. Или можете подождать.

ДЖОН. Или подождать, да? Можно и подождать.

ДЖУЛЬЕТТА. Подождите.

ДЖОН. Подожду тогда.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну...садитесь вот на диван. Давайте орхидею вашу в воду поставлю.

ДЖОН (*заметив Эрну*). Ух! А-а...

ДЖУЛЬЕТТА. Это наша с Алиной прапрабабушка. Не обращайтесь внимания – ей сто два года, она практически ничего не видит и не слышит. Сто два... Или сто три? Думаю, вас она просто не заметила.

ДЖОН. Отпад! А так не скажешь, что она сумасшедшая.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему же сумасшедшая? Просто она очень старая. Давайте уже цветок-то. (*Отнимает у Джона цветок. Усаживает гостя на диван. Находит вазу, наполняет ее водой из кувшина, помещает орхидею в вазу*). Алина... на корт пошла.

ДЖОН. Круто она на теннис подсела! Что ж ты не сказала, когда я звонил?

ДЖУЛЬЕТТА. А-а... я еще не знала. Пойдет - не пойдет. Я тоже собиралась с ней идти... Надо было вам самому ей позвонить. (*Садится на диван*).

ДЖОН. Так она ж трубу не берет.

ДЖУЛЬЕТТА. А, да.

Молчание.

ДЖУЛЬЕТТА. Вы... Вам...

ДЖОН. Ладно уже выпендриваться – давай на ты.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, конечно. Давай.

Молчание. Шум проходящего вдалеке поезда.

ДЖОН. У вас тут что, жэдэ где-то рядом?

ДЖУЛЬЕТТА. Да. Там... Относительно недалеко.

Молчание.

ДЖУЛЬЕТТА. Тебе нравится... Вот я... это... тащусь от Бритни Спирс.

ДЖОН. Кто такая? А, эта старая кобыла. Нет, меня от такого музона не прет.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой, а меня прет. Так прет! Иногда. Вообще-то мы с Алиной вот что слушаем. (*Показывает Джону экран плеера*).

ДЖОН. Да тоже все старье.

ДЖУЛЬЕТТА. Старье?!

ДЖОН. Конечно. Им уже года полтора, а то – и два, наверное.

ДЖУЛЬЕТТА. Если два – тогда, конечно. Хотя есть люди, которые слушают музыку гораздо более старую.

ДЖОН (*придвигаясь ближе к Джульетте Петровне*). Понятно – старики. Или какие-нибудь удолбанцы.

ДЖУЛЬЕТТА (*поднимаясь со своего места*). Я сейчас кофе сварю.

ДЖОН. Кофе – наркота. Не употребляю.

ДЖУЛЬЕТТА. Мартини?

ДЖОН. Алкоголь? Та же байда.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну вот. А говорят, что ты сам травкой приторговываешь.

ДЖОН. Ну и что. Это кайф для быдла. Или тех, кто решил к быдлакам примкнуть.

ДЖУЛЬЕТТА. Ах, ты ведь спортом занимаешься.

ДЖОН. Правильный ответ. Но бабулесов все равно ведь никогда не хватает.

ДЖУЛЬЕТТА. Денег?

ДЖОН. Ну. Вот и приходится их как-то вымучивать. А за все в этом мире кто платит? Правильно, быдло рогатое. (*Берет Джульетту Петровну за локоть, увлекает ее на диван*). Иди сюда. Знаешь, ты даже симпатичнее Алинки.

Джульетта Петровна высвобождает свою руку из рук Джона, однако не настолько решительно, как если бы ей хотелось наотрез отказать притязаниям молодого человека.

ДЖОН (*поднимается с дивана*). Правильно. Лучше я потом... (*Подходит к вазе, вынимает из нее цветок*). Лучше попозже к Алинке подойду.

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем же попозже? (*Отнимает у Джона орхидею, вновь водворяет ее в вазу*). Она уже скоро придет. (*Садится на диван*). Она красивая. Алина.

ДЖОН (*садится рядом*). Ты ничуть не хуже. (*Смотрит на Джульетту Петровну пристально*). Ты даже лучше. Только молодая очень.

ДЖУЛЬЕТТА. Мне столько же, сколько и Алине!

ДЖОН (*приглядывается*). А не скажешь. (*Обнимает ее за плечи*). Мне кажется, на пару лет младше.

ДЖУЛЬЕТТА. Могу паспорт показать. (*Пытается подняться с дивана, но Джон тут же усаживает ее*). Ты вон какую орхидею Алинке принес. Дорогая, поди.

ДЖОН. Откуда ты знаешь, что это я ей принес?

ДЖУЛЬЕТТА. А кому?

ДЖОН. Может, тебе.

ДЖУЛЬЕТТА (*принужденно смеясь*). Но ты же Алину спрашивал.

ДЖОН. А, может, мне просечь надо было – одна ты или нет? (*Как бы ненароком проводит рукой по ее бедру*). Но ты ведь тоже на это рассчитывала.

ДЖУЛЬЕТТА (*вспыхнув*). Как это рассчитывала?! (*Вскакивает с дивана*). Что это ты говоришь? На что я рассчитывала?

ДЖОН. Ты сказала, что сестра уходит на корт, что ты одна остаешься дома...

ДЖУЛЬЕТТА. Да. Сказала. Как видишь, все так и есть. И что тут такого?

ДЖОН. Да дело не в том, что ты сказала. Дело в том – как ты это сказала.

ДЖУЛЬЕТТА. И как же?

ДЖОН. Ну я и въехал, что ты ждешь меня.

ДЖУЛЬЕТТА. Что-о?! Так, уходи.

ДЖОН (*Вставая, оскорбленным тоном*). А, вот как! (*Однако он быстро берет себя в руки*). Ладно, ты того... не заморачивайся. Запал на тебя, видишь, - ах крыша съезжает. Уходить?

ДЖУЛЬЕТТА. Н-н... М-м... Можешь не уходить... Просто...

Она идет к дивану и садится на краешке.

Через паузу Джон возвращается к дивану – садится на другом его краю.

Так они сидят некоторое время молча. Вдруг одновременно поворачиваются лицом к лицу и еще через секунду летят друг другу в объятия. Жадный и шумный поцелуй сплавляет их огненные порывы в кипящую золотую амальгаму.

И тут - звук открываемого замка. Звук невероятной громкости!

Джульетта Петровна и Джон отскакивают друг от друга с прыткостью электронов – в один момент оказываются в разных концах комнаты.

Входит Алина. Некоторое время она изучает обстановку: на ее лице одно за другим сменяются выражения страха, растерянности, подозрительности и наконец – гнева.

АЛИНА (*сводя брови*). Чем занимаемся?

ДЖУЛЬЕТТА. Да ничем... Так... Джон пришел вот... (*Наконец отыскав спасительную опору*). К тебе.

АЛИНА. М! Прикольно. А что это ты такая упыханная? Будто на тебе скакали.

ДЖУЛЬЕТТА. Да нет... С чего бы?..

АЛИНА. Или все-таки скакали?

ДЖУЛЬЕТТА. Что ты такое говоришь?!

Проходя по комнате, Алина бросает спортивную сумку на стул, кладет на нее ракетку в чехле.

АЛИНА. Фотокарточка у тебя красная как помидор. И мокрая. Хочешь сказать, что мне это приглючилось?

ДЖУЛЬЕТТА (*робко пытаюсь вломиться в амбицию*). Меня возмущает твой тон... твои подозрения... Как тебе не стыдно!

АЛИНА. А меня твои слова не торкают. Стыдливая. (*Джону*). Ну, а ты?

ДЖОН. Что я?

АЛИНА. Опять за свое?

ДЖОН. Не догнал.

ДЖУЛЬЕТТА. Алина...

АЛИНА (*Джульетте Павловне*). Иди умойся. (*Джону*). Что, слюни распустил, а тут облом приключился? Сплошная непруха, хоть вешайся, да?

ДЖУЛЬЕТТА. Да он тебе вон цветы принес.

АЛИНА. Какой счастье! (*Все-таки она бросает косой взгляд на вазу, - и хотя боевой задор ее вовсе не гаснет, но на какую-то толику снижает*). Подумаешь, цветочек приволок! (*Джульетте Петровне*). И что вообще ты здесь делаешь? А, Юль? Ты же сказала, что не идешь со мной на корт, потому что тебе срочно нужно... Куда тебе было нужно? В институт, точняк? Так что, уже и смотаться успела?

ДЖУЛЬЕТТА. Аля, оно ведь...

АЛИНА. Что «оно ведь»?

ДЖОН. Во мраки! Так, мне ваши грузы уже во где! Ломанусь-ка домой.

АЛИНА. Вали-вали. Ничего, что я там внизу твой байк собачьим говном измазала?

ДЖОН. Что, крыша уже в пути?

Джон уходит.

Алина в суровом молчании расхаживает по комнате. Джульетта Петровна в стороне уподобилась стоящему столбиком суслику.

Алина останавливается возле вазы с орхидеей. Берет в руки цветок – нюхает и тут же швыряет обратно.

АЛИНА. Ну что, спасибо, сестренка. Как Джона будем делить?

СЦЕНА ШЕСТАЯ,

в которой соперницы сходятся в теннисном поединке.

Площадка для игры в теннис. (На сцене она располагается несколько диагонально). Джульетта Петровна и Алина ведут напряженную игру параллельно с не менее острым диалогом. При этом почти при каждом посыле или приеме мяча они громко и

страстно вскрикивают. За их игрой наблюдает Пушкин. В его руках то и дело пускающий солнечных зайчиков мобильный телефон, с помощью фотокамеры которого он, надо быть, составляет фоторепортаж матча. То вдруг его пальцы принимаются порхать над клавиатурой телефона, заносая в его электронную память то ли некие хроникальные метки, то ли - новоиспеченные пробы того изящества в письменности, которое называют поэзией.

АЛИНА (подавая мяч). А-а!

ДЖУЛЬЕТТА (отвечая). А!

АЛИНА (вместе со следующей подачей). Полу-чи, любимая сестренка!

ДЖУЛЬЕТТА. А!

АЛИНА. Пошла колбаса!

ДЖУЛЬЕТТА. А!

АЛИНА. Ты чего тормозишь - не выспалась? Всю ночь бицепсы Джона снились? Или еще что?

ДЖУЛЬЕТТА. Алина... какая ты...

АЛИНА. Ну ты и тормоз! Лови!

ДЖУЛЬЕТТА. Почему ты со мной так?

АЛИНА. А как с тобой надо?

ДЖУЛЬЕТТА. Я ничего такого не сделала...

АЛИНА. Да хорош втирать! Нет?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет.

АЛИНА. Точняк?

ДЖУЛЬЕТТА. Да.

АЛИНА. Это ж надо – так гнать и не бибикать! А-а!

ДЖУЛЬЕТТА. А! Что я сделала?

АЛИНА. То.

ДЖУЛЬЕТТА. Что?

АЛИНА. Сама знаешь.

ДЖУЛЬЕТТА. Ты обвиняешь меня в том...

АЛИНА. Заткнись уже. А-а!

ДЖУЛЬЕТТА. А!

АЛИНА. Свалилась неизвестно откуда...

ДЖУЛЬЕТТА. Ах, так?!

АЛИНА. Так!

ДЖУЛЬЕТТА. В самом деле, зачем это я оправдываюсь?

АЛИНА. М-м! Значит, есть в чем оправдываться.

ДЖУЛЬЕТА. Я тебе ничего не должна.

АЛИНА. Опа-на! Вот как ты заговорила!

ДЖУЛЬЕТТА. Да, так! А-а!

АЛИНА. А!

ДЖУЛЬЕТТА. Я могу поступать так, как я хочу.

АЛИНА. А!

ДЖУЛЬЕТТА. Я буду делать то, что считаю нужным.

АЛИНА. Вот так?

ДЖУЛЬЕТТА. Так. А то раскомандовалась...

АЛИНА. Раскомандовалась?

ДЖУЛЬЕТТА. Пойдем туда, сделай то, не делай этого.

АЛИНА. Не нравится?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, не нравится.

АЛИНА. Ты кто такая?

ДЖУЛЬЕТТА. Как кто?..

АЛИНА. А-а!

ДЖУЛЬЕТТА. А!

АЛИНА. Ты откуда взялась?

ДЖУЛЬЕТТА. Да...

АЛИНА. Что «да»? Ты откуда приехала?

ДЖУЛЬЕТТА. Приехала...

АЛИНА. И поперла тут права качать? А-а!

ДЖУЛЬЕТТА. А!

АЛИНА. Хапать что тебе не принадлежит.

ДЖУЛЬЕТТА. Хапать?

АЛИНА. Своими хищными граблями хватать.

ДЖУЛЬЕТТА. А ты что...

АЛИНА. Что?

ДЖУЛЬЕТТА. Тоже мне – царица Шаммурамат.

АЛИНА. Чего-о?

ДЖУЛЬЕТТА. Того! Думаешь, тебе одной все в этом мире принадлежит?

АЛИНА. Все – не все, а мое мне принадлежит. И я не собираюсь делиться с какой-то залетной телкой.

ДЖУЛЬЕТТА. Я не телка.

АЛИНА. Ты – телка.

ДЖУЛЬЕТТА. Я не телка.

АЛИНА. Правильно, ты только наполовину телка. А на половину – волчица.

ДЖУЛЬЕТТА. А ты собака... собака на сене.

АЛИНА. На чем?

ДЖУЛЬЕТТА (*останавливается*). И сквалыга! Бездушная! Ты не знаешь что такое настоящие чувства. У тебя ж все во фрэнд-зоне сидят. Понадобилось от кого-то что-то – выдернула. Получила свое – опять во фрэнд-зону засунула. (*С ожесточением подает мяч*). А-а!

АЛИНА. Не надо меня учить!

ДЖУЛЬЕТТА. И меня не надо учить!

АЛИНА. Я тебе не девочка!

ДЖУЛЬЕТТА. И я не девочка!

АЛИНА. Поздравляю.

ДЖУЛЬЕТТА. Дурочка.

Они останавливают игру и стоят, тяжело дыша, вперив друг в дружку преисполненные вражды несгибаемые взоры.

ПУШКИН (*шутливо*). Хорошая погода, не правда ли?

АЛИНА. Нормальная.

Алина и Джульетта Петровна останавливают свою дуэль взглядов и подходят к Пушкину.

ПУШКИН. По-моему, вы напрасно тратите время на распри.

АЛИНА. Не твое дело.

ДЖУЛЬЕТТА. Ничто не бывает напрасно. Все непременно даст свои всходы. Просто нужен срок. Как и вам, например, Виктор, для написания ваших строф.

ПУШКИН. На это не всегда нужно время.

ДЖУЛЬЕТТА. Неужто?

ПУШКИН. Желаете *improvisazione*?

ДЖУЛЬЕТТА (*без видимой заинтересованности*). Сделайте одолжение.

ПУШКИН. Тема?

ДЖУЛЬЕТТА (*задумавшись на одно мгновение*). Страсть.

ПУШКИН. Страсть... Так... страсть... Несколько наводящих слов?

ДЖУЛЬЕТТА. Скажем... зима. Нет, осень. Или нет... все-таки зима. Жизнь. Смерть. Страсть.

ПУШКИН. Лексика? Стилль? Еще какие-то пожелания?

ДЖУЛЬЕТТА. Все на ваше усмотрение.

Пушкин делает несколько смешных движений, выгадывая тем самым минуту.

ПУШКИН. Так. Та-ак... Что ж, Юлия, внимайте. *Improvisazione!*

ДЖУЛЬЕТТА. Я вся внимание.

ПУШКИН. Уж осень завершает свой
Нелегкий путь; неотвратимо
Летит снежинок колкий рой –
Борей спешит неукротимый.

Уснул весь сад, лишь в глубине,
Где покидала дочь Деметру,
Цветов последних (как во сне)
Трепещет куст в объятьях ветра.

Да, слишком поздно ты расцвел:
Мороз ударит – и мгновенно
Угаснет то, к чему ты шел

Так долго, веря вдохновенно
В волшебный час своих цветов.
Увы! Но твой удел не нов...

*Только что рассеянная Джульетта
Петровна начинает прислушиваться к
звучащим строкам.*

ПУШКИН. Снежинка острая ложится
На жар, одетый в седину,
И тает, и по стебельку
Слеза бессильная катится.

Вот так напрасно страсть цветет –
Без смысла и без продолженья,
И снег охладный занесет
Цветущий куст без сожаленья.

ДЖУЛЬЕТТА. М-м-м... М-м...

АЛИНА. А говоришь, что не телка.

ДЖУЛЬЕТТА. Хм... какая антиципация... Ваши стихи, конечно, жестоки. Впрочем, как жесток всякий юношеский максимализм. А по форме... обычный...

ПУШКИН. ...обычный русский четырехстопный ямб...

ДЖУЛЬЕТТА. Да, трехкратный четырехдольник четвертый с тремя метрическими акцентами в периоде – явление достаточно...

ПУШКИН. ...банальное.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну...да. Чередование мужских и женских рифм вы не держите... Трехдольный вы наш.

ПУШКИН. Между прочим, Аристотель считал ямб наиболее естественным метром.

ДЖУЛЬЕТТА. Но то ведь был античный трехдольный ямб. А у вас наш - имитированный ямб. Но дело не в том. Эти учащенные систолы и диастолы ваших ямбов... ваша задиристость и безапелляционность, продиктованные, надо думать, отсутствием личного опыта, все равно... (*потупляя взгляд*) производят впечатление.

АЛИНА. О-о! Вот это груз! Хорэ уже по ушам ездить. (*Пушкину*). Ну, а мне? Мне что-нибудь сочинишь?

ПУШКИН. Запросто.

АЛИНА. Тема будет...

ПУШКИН. А не надо никакой темы.

Ты – лилового мрака оковы,
Я – сияние светлого дня,
Ты – свечи слабый блеск бирюзовый,
Я – биенье вулкана огня.

Ты в сапфировой лунной пироге
К океану забвенья скользишь,
И хрустальных иллюзий чертоги –

Все, что в жизни своей сотворишь.
Я на отчей четверке крылатой
Вверх стремлюсь, где созвездья навзрыд.
Может, ждет меня праздник богатый?
Может, молнией Зевс напоит?
Наш союз – парадокс, дорогая,
Потому как (секрет не тая)
Ты – мгновенная вечность ночная,
Я – мгновение вечное дня.

АЛИНА. А что, нормально. Меня проперла эта шняга. Ямб?

ДЖУЛЬЕТТА. Анапест.

АЛИНА (*с подозрением и неприязнью глядя на нее*). Когда ты вот это вот умничать начинаешь, ты сразу такая старая становишься. Отпад! На бабушку мою становишься похожей.

ДЖУЛЬЕТА (*немного растерявшись*). Скажешь тоже!
Вбегают Ната.

НАТА (*заполосно, размахивая рукой, в которой зажата пивная бутылка*). Девки, погнали!

ПУШКИН. Не все здесь девки.

НАТА (*с досадой машет на него рукой*). Там Джон с Кирюхой махаются! Там весь пипл – погнали! Отвечаю, венками запахло!

АЛИНА. Ну и что?

НАТА. Прикиньте, Джон Кирюхе вот так вот харю раскрыл.

Алина пожимает плечами.

НАТА. А Кирюха Джону бровь разбил – кровяки море!

ДЖУЛЬЕТТА (*вздрагивая всем телом, точно от электрического удара*). Так идемте... Побежали!

АЛИНА. Опачки! Перевязку сделать хочешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Но нельзя же быть такой. Такой бессердечной.

АЛИНА. Слушай, медсестра, ты мне тут про сердечности не рассказывай. Я давно уже с этих глупостей соскочила. И все прекрасно понимают, чего тебе на самом деле надо.

ДЖУЛЬЕТТА. Ненормальная. (*Убегают*).

АЛИНА (*укладывая ракетку в чехол*). Вот так вот я змею пригрела.

НАТА. Если не хочешь туда, айда в кафуху - закинемся. После треньки всегда на хавчик пробивает.

АЛИНА. Нет уж, пойдем - глянем. Мало ли. (*Протягивая Пушкину ракетку*). На вот – понесешь. И сумку возьми. (*Нате*). А то руки, прикинь, прям вот болят.

НАТА (*вполголоса Алине*). Слушай, а это правда, что говорят, будто это ты Кирюху на Джона наслала?

АЛИНА. Ты чего, больная?

Все уходят.

ИНТЕРМЕДИЯ

Эрна за столом читает книгу.

*Угадывается полет бесплотных
существ.*

ЭРНА. CDM Club des Motorrades e.V. Sport - Leipziger Str. 27
36396 Steinau, 06663 4 62. Motorrad Club Bav. Bulls Clan - Haslacher
Str. 18 85625 Glonn, 08093 30 04 87. Motorrad Club Hot Wheels e.V. -
Franzleweg 74731 Walldürn, 0178 3 39 08 14. Black Knights Motorradclub -
Sebastianstr. 3 36093 Künzell Wissels, 0661 6 95 61.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

*В ней Джульетта Петровна признается
объекту своих вздыханий в нежной страсти.*

*Улица. По ней идут Джон в разорванной байкерской куртке и
Джульетта Петровна в белой теннисной форме с ракеткой в руке.
Лицо Джона также как и его куртка расписано свидетельствами
недавней драки. Слева и справа от этих двух то и дело возникают,
подобно проектируемым слайдам, картины параллельно
существующей и сейчас вовсе не примечаемой ими жизни –
перспектива улиц, люди, машины, витрины, множащие,
переворачивающие и дробящие все пойманные ими образы.
Джульетта Петровна то и дело пытается остановить своего
спутника, как-то подправить его внешний вид, что, однако, дает
малозаметные результаты.*

ДЖУЛЬЕТТА (*приостанавливаясь, чтобы отереть кровь на лице
Джона*). Ты как? Не очень больно?

ДЖОН. Да все путем! Это разве гасилово? Это так – игрушки. Ты ж
видела, этот черт урловый только понты бросал. А как до дела дошло...

ДЖУЛЬЕТТА. Видела. Конечно.

ДЖОН. Ну и нормально: помахались – размялись...

ДЖУЛЬЕТТА. Девчонки говорили, что это ты из-за меня... с ним...

ДЖОН. В смысле?

ДЖУЛЬЕТТА. Говорили...

ДЖОН. А, типа того, что он прогнал?.. Было. Всем растрындел, что я
на дискаче с малолетней каракалыгой исполнял.

ДЖУЛЬЕТТА. Каракалыгой?.. Это со мной?

ДЖОН. Ну. Это я – и с каркалыгой! Да он сам и не видел. Это ему
Алинка натрындеда.

ДЖУЛЬЕТТА. Алинка? И ты решил заступиться за меня?

ДЖОН. За тебя? А ты тут при чем? Это же он про меня сказал.

ДЖУЛЬЕТТА. А.

ДЖОН. Ну и за тебя, наверное, тоже. Ты видела, какой он сначала бурый был этот кекс? Я ему говорю: ты чего, ты на кого волов гонишь?! А когда я двинул, видала – он сразу и застремался.

ДЖУЛЬЕТТА. Видала. Конечно. Застремался. Еще как застремался!

ДЖОН. Кишкарь!

ДЖУЛЬЕТТА. Подожди, дай я вот тут... Смотри, полрукава висит. Сейчас...

Джюльетта Петровна Останавливается, раскрывает сумку, достает из нее небольшой туалетный несесер, роется в нем.

ДЖУЛЬЕТТА. Была у меня... Должна здесь быть... Вот! Вот – булавка! Давай я подколю этот лоскут, а то он болтается как... Давай. (*Скрепляет Джону английской булавкой разорванный рукав*).

ДЖОН. Все, куртке кердык. Жаль – три штуки баксов.

ДЖУЛЬЕТТА. Да ты что! Так дорого? Кожа?

ДЖОН. Кенгурячья кожа. Но дело не в том. Просто куртка брендовая.

ДЖУЛЬЕТТА (*закрепляет болтавшийся лоскут*). Уф! Кенгуру. Жаль-то как!

ДЖОН. Кожа кенгурячья - она тонкая и прочная. Знаешь, хоть ты и мелкая, молочка еще, но с тобой нормально...

ДЖУЛЬЕТТА. Да?! Нормально, да?!

ДЖОН. Зачипись!

ДЖУЛЬЕТТА. С тобой тоже зачипись. Мне даже ни с кем так зачи... зачиписьельно не было...

ДЖОН. Точно?

ДЖУЛЬЕТТА. Точно-точно.

Все также рядом с идущими по улице Джюльеттой Петровной и Джоном возникают некие футуристические слайд-проекции городской стихии. В этих плоских смазанных фата-морганах во вкусе Руссо или Боччони подчас возникают силуэты людей, а среди них - то Алина, то Пушкин, и всякий раз эти двое остаются незамеченными увлеченной разговором парой.

ДЖОН. Просто все от тебя чего-то хотят. И потому с каждым нужно быть настреме. А с тобой нормально – идешь себе и идешь.

ДЖУЛЬЕТТА. Спасибо. А то, что все друг от друга чего-то вещественного хотят – так это время такое.

ДЖОН. Какое?

ДЖУЛЬЕТТА. Потребительское.

ДЖОН. А что – время, оно другое бывает?

ДЖУЛЬЕТТА. Бывает.

ДЖОН (*рассмеявшись*). Ты так говоришь, будто лет пятьдесят прожила. Какое там время ты за шестнадцать лет...

ДЖУЛЬЕТТА. Семнадцать.

ДЖОН. За семнадцать лет видела?

ДЖУЛЬЕТТА. Я... я читала.

ДЖОН. Читала! (*Свысока*). Тебе напишут.

ДЖУЛЬЕТТА. А тебе откуда все известно?

ДЖОН. Я все-таки старше.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой! На пять лет.

ДЖОН. Ничего себе! Пять лет – это ого-го! А время всегда одно. Всегда всё бабулеси решали.

ДЖУЛЬЕТТА. Деньги, конечно, многое решали... Но не всегда. И не всё. И не везде.

ДЖОН. Да сейчас! Как же! Всегда! Бабулеси – это свобода.

ДЖУЛЬЕТТА (*смеется*). А уж свободными деньги точно никого не сделали.

ДЖОН (*пораженный*). Ну ты меня и высадила такими-то словами! Как это деньги никого свободными не сделали?! Если у тебя пресс зелени на кармане, так ты что хочешь, то и делаешь: хочешь – то купишь, хочешь – это, хочешь – туда поедешь, хочешь – не поедешь. О чем ты! Не случайно ж деньги воздухом называют.

ДЖУЛЬЕТТА (*подбирая самые деликатные интонации*). Но они делают тебя зависимым от всего того, что ты можешь купить, от всего того, куда ты можешь поехать...

ДЖОН. О! Ну такой зависимости пусть побольше будет.

ДЖУЛЬЕТТА. Так какая же разница – от чего зависеть?

ДЖОН. Вот ты даешь! Просто ты еще малая – потому мало что еще в жизни понимаешь.

ДЖУЛЬЕТТА. И разве можно купить... отношение к себе

ДЖОН. О! Легко. Да все первым делом смотрят, на какой тачке ты приехал, сколько твой прикид башляет, что за черт к тебе руку пожать подошел, какой у этого твоего кента котел на руке – Омега, Ролекс или какое-то фуфло. От этого и отношение к тебе.

ДЖУЛЬЕТТА. Как печально...

ДЖОН. Да уж печально или весело, а оно так. Так что, первое дело – деньги добывать, бабки, бабулеси косить.

ДЖУЛЬЕТТА. Любым способом?

ДЖОН. Любым.

ДЖУЛЬЕТТА. Даже... Даже - продавая наркотики?

ДЖОН. А что – наркотики? Что ты вдруг опять про наркотики? Это тебе Алинка про меня натрындела?

ДЖУЛЬЕТТА (*спохватившись*). Это же... опасно. И посадить ведь могут.

ДЖОН. Посадить? Это тех, кто делиться не хочет садят. Всяких нелегалов. А если ты делишься – какой же дурак тебя садить станет?

ДЖУЛЬЕТТА. А мораль?

ДЖОН. Как? Что это?

ДЖУЛЬЕТТА. Ну... хотя бы общественное мнение...

ДЖОН (*весело*). А! Брось, малАя, все так живут.

ДЖУЛЬЕТТА. Думаешь, все?

ДЖОН. Уверен. Слушай старших.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой! Булавка расстегнулась. И... (*осматривает рукав*) и где-то потерялась. Хорошо, что у тебя руки такие... бицепсы...

ДЖОН. Какие?

ДЖУЛЬЕТТА. Накаченные. Можно даже специально рукава разорвать – так и ходить. Ну, как в кино всякие супермены.

*Они подходят к стоящему на обочине
большому спортивному мотоциклу.*

ДЖОН (*любовно*). Вот он – мой мотык.

ДЖУЛЬЕТТА. Какой он у тебя большой!

ДЖОН. Да, немаленький.

ДЖУЛЬЕТТА. И блестящий...

ДЖОН (*гордо*). Есть такое. Нравится?

ДЖУЛЬЕТТА. Да.

ДЖОН. Хочешь - прокачу?

ДЖУЛЬЕТТА. Ты что, это же, наверное, очень опасно!

ДЖОН. Да? Почему?

ДЖУЛЬЕТТА. Можно... в столб врезаться. Да! Я знаю, такое очень часто случается, да.

ДЖОН. Случается. Случается, что и электродрель с балкона на голову упадет. Все случается.

ДЖУЛЬЕТТА. А зачем тебе это?

ДЖОН. Что это?

ДЖУЛЬЕТТА. Мотоцикл. У тебя ведь все есть. И машина есть. Зачем тебе это?

ДЖОН. Ты не просекаешь. Жизнь только и начинается после того, как вот уберешь подножку с асфальта... За три секунды сотку делаешь, - только тогда и начинаешь чувствовать, что ты живешь. Ночь, ты, байк и дорога. И ничего больше не надо. А потом все кончается. Ставишь свой мотык в стойло и кучебаришь на работу или... куда там... Катаешь день деньской вату в базарах с родаками, со всякими додиками, с телками тупыми по клубам... Смотришь на эту жабу крашеную и видишь, что ей только и нужно, чтобы тебя на бабки раскрутить... Какая все это ботва! И ждешь, когда опять уберешь подножку, и...

ДЖУЛЬЕТТА. И что?

ДЖОН. Новые ощущения, приколы, и еще неизвестно чем это все закончится. Прикинь, когдаходишь в поворот на двухстах, кладешь мотык на бок, так, что коленом асфальт цепляешь, все в твоей жизни становится таким мелким, таким заподлянским... Отвечаю, иногда за двадцать кэмэ дороги испытываешь больше, чем какой-нибудь лох за всю свою жизнь. А я не хочу быть серым лохом.

ДЖУЛЬЕТТА. У серых лохов, как ты их называешь, свои радости, свои задачи...

ДЖОН. Вот пусть они с ними и остаются. Live to ride, ride to live!

ДЖУЛЬЕТТА. Но зачем так быстро ездить?

ДЖОН. Байкеры говорят: «Мы не быстро ездим, мы низко летаем!»

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем рисковать?

ДЖОН. Без риска нет форта!

ДЖУЛЬЕТТА. Ох! На все у тебя какие-то присказки заготовлены.

ДЖОН. Эх, не понять тебе! Не просечь. Летишь на двухстах сорока и тут ручку закручиваешь (*исподволь повторяет знакомые движения*) – резко откручиваешь – делаешь вили, ну, становишься на заднее колесо... Не дал Бог людям крылья, а байк дает. Эх-х! Не понять тебе.

ДЖУЛЬЕТТА. Почему? Все я понимаю.

ДЖОН. Понимаю... Вот такой мой Харлик. Да, навороченный. Четыре цилиндра, водяное охлаждение, инжектор, вентилируемые тормоза, армированные шланги, пауэр командер, полный выхлоп... Нравится?

ДЖУЛЬЕТТА. Нравится...

ДЖОН (*любовно оглаживает мотоцикл*). Еще бы! Мне самому нравится. Попробуй. (*Берет руку Джульетты Петровны и проводит ею по топливному баку мотоцикла*). Классно?

ДЖУЛЬЕТТА. Такой гладкий!..

ДЖОН. Ага.

ДЖУЛЬЕТТА. Гладкий... Приятный...

ДЖОН. Прокатить?

ДЖУЛЬЕТТА. Даже и не знаю...

ДЖОН. Хочешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Хочу, но...

ДЖОН. Тогда садись.

ДЖУЛЬЕТТА. Куда?

ДЖОН. Сюда.

ДЖУЛЬЕТТА. Вот так... и садиться?

ДЖОН. Смелее!

ДЖУЛЬЕТТА. О... Все такое твердое.

ДЖОН. Ну как? Нормально?

ДЖУЛЬЕТТА. Да... Ничего. Хорошо.

ДЖОН. Что, погнали?

ДЖУЛЬЕТТА. Вот так... сразу?

ДЖОН. А как еще? Сразу.

ДЖУЛЬЕТТА. Давай попробуем...

ДЖОН. Держись за... Хочешь – вот так. А можешь за меня взяться.

ДЖУЛЬЕТТА. Могу и за тебя... А куда руки?..

ДЖОН. Можешь вот сюда – на грудь. Или – на живот.

ДЖУЛЬЕТТА. Угу...

ДЖОН. Крепко держишься?

ДЖУЛЬЕТТА. Угу...

ДЖОН. Учти, я на дороге безбашный.

ДЖУЛЬЕТА. Зачем ты меня пугаешь?

ДЖОН. Я не пугаю. Я предупреждаю. Готова?

ДЖУЛЬЕТТА. Да...

ДЖОН. Ломанулись?

ДЖУЛЬЕТТА. Ломанулись...

ДЖОН. Как говорим мы - байкеры, теплого нам асфальта!

*Джон вставляет ключ зажигания, стартует,
- двигатель оглашает окрестность диким
ревом. Джульетта Петровна вскрикивает.*

ДЖУЛЬЕТТА (сквозь шум двигателя). Я люблю тебя!

ДЖОН (поворачиваясь к ней). Что-что? Ты что-то сказала? Не слышу!

ДЖУЛЬЕТТА. Я люблю тебя!

ДЖОН. Не слышно! Все нормально?! Если нормально – поехали!

ДЖУЛЬЕТТА. Я люблю тебя!

Машина срывается с места и уносит своих седоков в смешение фигуративных и геометрических обломков, разнородных плоскостей и объемов городской перспективы.

Быстро затихают прорывающиеся сквозь дикий голос уносящегося мотоцикла то ли страшливые, то ли восхищенные какие-то кошачьи вопли Джульетты Петровны.

На фоне городского пейзажа, в котором все законы композиции, светотени и цвета словно перевернуты вверх дном, движутся две фигуры. Алина. За ней в некотором отдалении следует Пушкин. Расстояние между ними сокращается, и вот, когда оно становится равным нескольким метрам, Алина вдруг останавливается и резко поворачивается. Останавливается и преследователь. Так некоторое время они стоят, напряженно глядя друг на друга. Затем Алина с той же порывистостью поворачивается на каблуках и устремляет шаг прежним своим курсом. Пушкин не решается последовать за ней.

ПУШКИН. Мое время пришло –

Обрывается нить.

Мне не жить надоело,

Надоело не жить.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ,

*в которой вспыхнувшая между соперницами вражда
достигает своего зенита.*

Зеленая комната в красноватых лучах загоревшегося за окном заката погружена в мягкие коричневатые тени. Шум проходящего вдалеке поезда. Эрнэ за столом в своем обычном оцепенении.

Катя сидит на диване. На коленях у нее раскрытый ноутбук – девушка всматривается в его экран.

Алина стоит возле конторки перед раскрытой книгой.

АЛИНА (вдруг неожиданно произносит вслух фразу). Джульетта воодушевленно ответила: «Отец мой, я не побоюсь пройти и через ад, если таким путем я смогу достичь Ромео».

КАТЯ (отрываясь от экрана). А? Чего?

АЛИНА. Ничего.

Оставляет книгу, идет к подруге, садится рядом с ней, забирает у нее ноутбук, ставит себе на колени. Вновь воцаряется тишина. Лишь изредка, через продолжительные паузы, девушки обмениваются друг с дружкой короткими фразами.

КАТЯ. А этот?

АЛИНА. Конь.

По прошествии пары минут.

КАТЯ. Этот?

АЛИНА. Да тоже... лузозер. Ботан.

КАТЯ. Машина у него есть?

АЛИНА. Да есть какая-то. Без машин – я сразу в корзину. А! У него «Ланос». Досвидос! (Решительно ударяет пальцем по клавише).

Пауза.

АЛИНА. О! Это еще кто?

КАТЯ. Это Юрчик Запрудер. Его Машка, ну, Чечетова, из шестьдесят первой школы, зацепила. Я их тут недавно видела на дискаре, на Махе столько голды, столько брюликов висело, - я охренела!

АЛИНА. Значит – Юрчику досвидос. (Ударяет пальцем по клавише). О, этот Тайгером назвался. У него вообще съемная квартира. Досвидос! (Ударяет пальцем по клавише).

Пауза.

КАТЯ (тыча пальцем в экран). Ну вот. Хата – двести квадратов. Тойота Камри... Ниче так, симпотный. А родаки – кто? В анкете нет? А... Он пишет... Ищу друзей и подруг для... На байдарках... по горным рекам... Имбецил какой-то!

АЛИНА. Долго мы еще будем ковырять инетку?! Задолбало уже бамбук курить.

В прихожей слышится звук открываемого замка, затем – шаги. Девушки как-то внезапно оживляются, приосаниваются, на лице Алины загорается устойчивая улыбка. В комнату входит Джульетта Петровна все в той же белой теннисной юбчонке в широкую складку и белом топике. Она проходит, ставит в угол зачехленную

ракетку.

Катя кивает ей. Алина никак не реагирует на ее приход.

АЛИНА (*громко*). Посмотри, и этот в Египет зовет отдыхать. А этот – в Анталию. Что им всем отвечать? Прямо не знаю...

КАТЯ. Сама не знаю, что с ними делать. Мне на этом сайте в день по двести писем приходит.

АЛИНА. Ха! Мне – по пятьсот.

КАТЯ. Так что, мы с тобой без парней никогда не останемся.

АЛИНА. Ну! Нам не придется, как некоторым, шакалить - хватать все, что плохо лежит.

КАТЯ. Забей ты на этого Джона. Да зачем он тебе нужен со своей тарактелкой? Смотри, вот этот рыжий (*указывает на экран*) и то лучше.

АЛИНА. Ничё. И сразу видно, что не кобель.

Джульетта Петровна молча раскладывает свои вещи.

КАТЯ. Неплохой.

АЛИНА. Да? Не станет через неделю искать сучку в течке.

ДЖУЛЬЕТТА. Я думаю, что некрасиво так говорить...

ЭРНА. Хэ!

АЛИНА (*не отрывая взгляд от экрана*). Мне кисло, что ты об этом думаешь.

ДЖУЛЬЕТТА. Что ж ... Мне кажется, кое у кого не хватает воспитания...

АЛИНА. А мне кажется, кое у кого зашкаливает борзомер. (*Переставляет ноутбук на колени Кати*). На, Катюха, поищи тут... Задолби крутой музон. (*Встает. Подходит к Джульетте Петровне*). Запомни, мне Джон нафиг не нужен, заberi его себе. Но если ты и дальше будешь у меня под ногами мешаться - плюшку выхватишь.

Катя находит в компьютере какую-то музыку, включает ее.

ДЖУЛЬЕТТА. Что?

АЛИНА. А по балбешнику схлопочешь.

ДЖУЛЬЕТТА. Как тебе не стыдно!

АЛИНА. Стыдно?! (*Потрясенная*). Ну ты и зоо!

ДЖУЛЬЕТТА. Почему...

АЛИНА. Слушай, когда ты уже свалишь? Тебе что-то в институте надо было? Ты там вообще была?

ДЖУЛЬЕТА. Была...

АЛИНА. А если уже была, то сворачивай свои манатки и – на белом катере к той самой матери!

ДЖУЛЬЕТТА. Алина... Твоя бабушка никогда таких слов не сказала бы...

АЛИНА. Моя бабушка? Откуда ты знаешь, что бы она сказала? Ты мою бабулю не трожь !

Алина вцепляется Джульетте Петровне в волосы. Та в стремлении остановить этот порыв хватается нападчицу за одежду.

КАТЯ. Ой, девочки... Я, наверное, пойду... (*Выскальзывает из комнаты*).

Напряженно сопя, не выпуская друг дружку из цепких рук, состязательницы продолжают топтаться на месте.

ДЖУЛЬЕТТА. Отпусти меня.

ЭРНА. Хэ!

АЛИНА. Ты че, не вкурила? Убирайся отсюда!

ДЖУЛЬЕТТА. Сама убирайся.

ЭРНА. Хэ!

АЛИНА. Что-о?! Ничего себе, бурость какая!

ДЖУЛЬЕТТА. Что это за эгоцентризм? Что это за... тирания? Мало ли чего тебе хочется! Почему это все обязаны немедленно исполнять все твои прихоти. Дурацкие прихоти.

АЛИНА. Почему?

ДЖУЛЬЕТТА. Почему?

АЛИНА. Почему?!

ДЖУЛЬЕТА. Да, почему?

Алина разжимает пальцы, освобождая волосы Джульетты Петровны. Они стоят друг против дружки, одно раскрасневшееся лицо против другого, глядя в упор – не отводя глаз, тяжело дыша.

АЛИНА. Почему?.. А потому! Потому что вы... сволочи!

ДЖУЛЬЕТТА. Мы?

АЛИНА. Потому что все вы сволочи! Все предатели! Все! Все!!

ДЖУЛЬЕТТА. Но...

АЛИНА. Потому что все вы бросили меня. Бросаете, уезжаете. Бросаете, будто я какая-то... какая-то использованная прокладка. Родаки бросили меня – помчались в Европу... Помчались в Европу – а попали в жопу. Чего они там искали? Чего хотели? Ах, заработать немного бабла для создания лучших условий своей доченьке! Вранье! Все вранье! Им нужны были прикольные фишки, расколбас, приключения. Им нужны были какие-то глупые надежды. Они кинулись в эту долбаную Европу искать для себя. Для себя! Так зачем же говорить, что ради меня одной они терпят там всякую гниль, беспредел всех этих быкующих европейских веселопердистов? Вранье. Всех из телика кумарят сладкой жизнью. И все хотят ее выхватить. Вот и мои кинулись. Со всей толпой. За кайфами. Так и говорите как есть. Зачем мной-то прикрываться? Ладно, мама... Но папа ведь должен понимать, что кататься с ним в лодке – это в сто раз прикольнее, чем ходить в норковой шубе мимо училки – в кроличьей. А какой он смешной! Папа...

Как смешно он может рассказывать... Про что угодно, про обычное, но так смешно. И я смеялась. И мы смеялись с папой, когда он изображал эту жабу – Жору Сороса. Или когда пересказывал треп какой-нибудь там носатой британской правозащитницы. Но он бросил меня. Он уехал. Меня все бросают. Я никому не нужна. Никому! И Джон бросил. Да я и не надеялась. Я знаю, как это бывает. Я ведь ничего не требовала. Зачем же было говорить, что так у него в первый раз, зачем было втюхивать, будто я не как все... Просто, чтоб понты залимонить? А как-то мы шли, и был дождь. То есть дождя не было. Дождь уже закончился, и всюду стояли лужи. А нам нужно было через улицу перейти. А весь переход под водой. А он говорит: «Давай-ка я тебя перенесу». И взял на руки, и пошел по воде. А на мне еще такой сарафан был... длинный такой... бежевый. Еще мы по крышам гуляли. Было жарко. Такая жара стояла – жуть. И ночью – тоже жара. Вот Джон и предложил по крышам ходить, там, говорит, воздух... ветер – и будет прохладнее. Прохладнее там все равно не было. Жара сумасшедшая. Крыша за день так нагреется... Но там зато были звезды. Серые такие, тусклые – город же, смог. Не такие сумасшедшие как на море. Но все равно ж – звезды. И вот он меня бросил. Он меня предал. Не понимаю, почему я так на этом заморачиваюсь... Но вот... Это как будто ты договорилась с кем-то другу все самое-самое секретное рассказать. Тебе говорят: «Только ты первая». И вот ты все рассказываешь про себя. Все-все, даже такое, чего никому никогда не рассказывала. А потом его очередь. А этот кто-то будто бы вдруг засмеялся и говорит: «А я пошутил. Я тебе ничего про себя рассказывать не буду». И это так... это так больно. Больно. Вот, как если раскроить ногу ржавой консервной банкой. Нет, больнее. Это как попытаться отравиться – и не умереть. И обидно. И не понятно, за что со мной так... А когда-то он сказал мне, что я самая красивая девушка в городе. Конечно, я ж не баклажанка, я понимала, что это неправда. Но мне почему-то так было приятно! И вот когда он предал меня... Тут бросила меня и бабуля. Бросила – уехала. Куда? Почему? И даже ничего не сказала. Прислала какую-то записку. Но разве можно так с живым человеком? Записку... Бросила. Именно тогда, когда она мне так была нужна. Ладно... Тут ты причапала. Кто такая? Откуда? И не успела засветиться, как тоже бросаешь. Тоже предаешь. Не раздумывая. Вот скажи, зачем ты меня надинамила? Просто так, между прочим. Как все. Как всегда. И вокруг – никого. Ни на кого нельзя положиться. Никому нельзя довериться. Вот еще Эрна... еще Эрна со мной. Но ей уже сто лет и она скоро меня бросит. И что тогда? И тогда – уже только пустота. Потому что больше я никогда, слышите, никогда и ни за что никому не поверю! Потому что все вы предатели! Потому что все ваши слова – вранье! Потому что... катитесь вы все в европейскую задницу! Потому что... потому что как я вам всем не нужна, так и вы мне не нужны! Вы – все! Не нужны! Не нужны!

Алина при этих своих словах порывисто

двигается по комнате, на ходу схватывая и бросая вещи, круша и ломая некоторые из них. Джульетта Петровна приближается к столу Эрны.

Шум поезда.

Пространство наполняется невнятными шелестами и лепетами.

ДЖУЛЬЕТТА (Эрне). Отдай... Отдай мне мою старость. Я не могу... Я не хочу больше молодости. Уведи меня от этой яростной повелительницы! Быть молодой – это такой труд! Это такой тяжкий труд. Отдай мне мои годы. Отдай мои морщины. Отдай мои немочи и болезни. Отдай мои сожаления и раскаяния.

Но Эрна, похоже, и не слышит ее. Она уткнулась в одну из своих книг, и только свистящее бормотание доносится из-за обшмыганного переплета, за которым прячется ее старый немецкий нос.

Шум поезда становится несколько громче, точно тот приближается, - и какое-то волнение овладевает Эрной..

ДЖУЛЬЕТТА. Я прошу тебя, Эрна, отдай мне то лицо, то тело которые я заслужила годами моей жизни. Не нужно мне молодости. Нет, не нужно второй раз.

Эрна выползает из своего кресла с доступной для ее возраста поспешностью и, казалось бы, вовсе не различая молений Джульетты, не замечая ничуть ее присутствия, принимается сосредоточенно и даже несколько суматошно собирать разложенные на зеленом плюше предметы: три книги, лазерный фонарик, шелковый веер, коробочки, футлярчики; все это она пытается одновременно удержать в руках, - предметы то и дело падают на стол, а Эрна все борется с их прыткостью. При этом она постоянно озирается, точно в ожидании чего-то. Алина же в это время по-своему воюет с окружающими ее вещами.

Шелест крыльев. Невнятные голоса.

ДЖУЛЬЕТТА. Ты была права. Да. Ты права. Не стоит бояться старости. Лучше остерегаться излишеств и спокойно... и покорно идти своим путем. А дальше... Дальше... Повторять вослед за Ли-Пеянге: «Уничтожение тела – это не потеря. Это бессмертие!»

ЭРНА (не видя Джульетты Петровны, машинально повторяет достигшие ее слуха слова). Это бес-смертие!..

В этот момент с грохотом распахивается окно. Алина вскакивает на подоконник.

ДЖУЛЬЕТТА. Аля!

АЛИНА *(на подоконнике)*. Врите дальше. Предавайте дальше. Провалитесь вы со своими деньгами, со своими машинами, со своим факаньем! Вы бросили меня. Вы думали, мне будет больно?

Эрна, прижимая к впалой груди охапку своих разнообразных финтифлюшек, с какой-то торжественностью, страхом и страстностью всматривается во что-то, находящееся перед ней. Это странное выражение лица подсказывает, что, если бы не вещи в руках, если бы не тягость сотни прожитых лет, стояла бы она сейчас навтыяжку.

АЛИНА *(на подоконнике)*. А вот фиг вам! Вы мне противны! Я тоже бросаю вас! Я сама, я первая бросаю вас, вас всех! *(Выпрыгивает в окно)*.

Джульетта с отчаянными криками бросается к затрепетавшим златобахромчатым портьерам.

Грохот колес поезда нарастает.

Слышится хлопанье крыльев и полупроявленное пение женских, мужских, детских хоров, в котором вступающие все новые и новые альтовые, басовые, теноровые партии повторяют звучащий напев, подхватывая прежде, чем его оканчивают предыдущие

ЭРНА *(кричит)*. Leipzig Hbf 21:15 - Jena Paradies 22:15 - Saalfeld(Saale) 22:46 - Lichtenfels 23:47 • Bamberg 00:05 - Erlangen 00:26 - Nürnberg Hbf 00:46 - Augsburg Hbf 02:07 - München-Pasing 02:34 - München Hbf 02:44

Грохот поезда становится громоподобным. Он прокатывает через сцену, все сотрясая и оглушая.

РАСКАТИСТЫЙ ГОЛОС ВОКЗАЛЬНОГО

ДИКТОРА: Поезд Лейпциг – Мюнхен проследует без остановки. Повторяю: поезд Лейпциг - Мюнхен проследует без остановки..

И... соединяясь с отчаянным воплем Эрны, устрашающий колесный перестук начинает стихать... так, словно, поезд пронесся мимо...

ЭРНА (кричит в неистовстве, расшвыривает свои фитюльки, стучит книгой по столу). München Hbf 02:44! München Hbf 02:44! München Hbf 02:44!!!

***СЦЕНА ДЕВЯТАЯ,
заключительная.***

Обстановка первой сцены. В черноте оконного провала, обрамленного слабо подсвеченным и потому глядящимся мрачно зеленом аксамитом, поблескивает скоба старого месяца, напоминающая букву «С». Светильники в комнате зажжены неяркие.

Так же как и в первой сцене, над своим столом, над лежащей на нем книгой склонилась - замерла столетняя Эрна. Перед ней зажженная свеча. Те же предметы разложены по зеленому плюшу.

На резной конторке перед окном та же раскрытая книга. Так же лежит на диване Алина, а рядом с ней сидит Джульетта Петровна в прежнем своем одеянии. Вот только левая рука и ноги Алины укрывают иммобилизирующие гипсовые повязки. Маленький столик с аптечными пузырьками и пестрыми коробочками лекарств. Рядом с диваном стоит Врач.

Едва различимый шум где-то очень далеко проходящего поезда похож даже и не на звук, а – на воспоминание о звуке...

ВРАЧ. Ну и по-прежнему витаминчики. С, D, В₁₂. Творог! Творог – очень хорошо. Организму сейчас нужно побольше кальция. Двести грамм – суточная доза.

АЛИНА. Я не люблю творог.

ВРАЧ. Придется, милая барышня, полюбить. Ведь вы же хотите поскорее начать ходить?

АЛИНА. Ничего я не хочу.

ДЖУЛЬЕТТА (сокрушенно). Аличка!

ВРАЧ (переглядываясь с Джульеттой Петровной). А вот это напрасно. Надо быть оптимистичнее. (Джульетте Петровне). То, что вы внучку из стационара домой привезли – я одобряю. Дома, знаете, она быстрее на поправку пойдет. И всякие такие мысли... необязательные скорее из головки вылетят. А укольчик вы и сами сделаете. А нет – меня позовете. (Алине). Правильно, красавица?

АЛИНА (безразличным голосом). Неправильно.

ВРАЧ. Вот это напрасно. Напрасно! Побольше оптимизма. Это даже полезнее чем творог. Кажется, все вам сказал. Пойду я.

ДЖУЛЬЕТТА (с неохотой выпуская руку Алины из своих рук). Да, да, вы идите. (Поднимается). Большое... Огромное вам спасибо. За все. За все.

Джульетта Петровна делает несколько шагов, провожая эскулапа.

ВРАЧ. Нет-нет, спасибо, не провожайте. Я дорогу знаю. Телефон мой у вас есть. (*Алине*). Поскорее выздоравливайте, сударыня.

Алина не отвечает. Врач уходит.

ДЖУЛЬЕТТА (*вновь занимая место на краю дивана возле Алины*). Как ты, Алюша? Как ты... Попить не хочешь?

АЛИНА. Нет.

ДЖУЛЬЕТТА. Все-все-все. Я просто спросила, – может, хочешь.

Какое-то время Алина лежит отвернувшись. Потом вдруг порывисто поворачивает голову и припадает щекой к коленке Джульетты Петровны.

АЛИНА. Бабуля, не уезжай больше.

ДЖУЛЬЕТТА. Нет-нет, Аличка, я никуда, никуда не уеду. Нет.

АЛИНА. Кто была эта Юлька? Зачем она приезжала? Кто она?

ДЖУЛЬЕТТА. Я же говорила... твоя...

АЛИНА. ... внучатная сестра. Я знаю. Пусть она никогда больше не приезжает.

ДЖУЛЬЕТТА. Не приедет.

АЛИНА. Никогда!

ДЖУЛЬЕТТА. Никогда уже не приедет.

АЛИНА. Бабуля, мне так было плохо без тебя...

ДЖУЛЬЕТТА. Знаю... Понимаю, Алюшка, понимаю. Больше я тебя не оставлю.

АЛИНА. Не бросай меня.

ДЖУЛЬЕТТА. Нет-нет, что ты! Никогда!

АЛИНА (*после паузы*). Ба, почитай мне.

ДЖУЛЬЕТТА. Хочешь, как в детстве почитаю тебе Ремезова. Про Артамошку с Епифашкой. Про Чучело-чумичело-гороховую-куличину. Про курнопяточку. И про золото, какого никто отродясь не видывал: не простое золото, а серебряное!

АЛИНА (*слабо улыбаясь*). Нет, ба. Не надо про серебряное золото. Ту почитай...

ДЖУЛЬЕТА (*тяжко вздохнув*). Да Порто?

АЛИНА. Угу.

Джульетта Петровна отправляется к конторке за книгой.

ДЖУЛЬЕТТА (*вновь садясь на край дивана подле Алины, но не торопясь открывать книгу*). Давай все таки...

Алина отнимает у нее книгу и, орудуя одной только здоровой рукой, принимается перелистывать.

АЛИНА (*протягивая книгу*). Вот. Читай. Отсюда. Вот с этого места читай.

ДЖУЛЬЕТТА (*покорно*). «Несчастный юноша принес с собой фонарь с заслонкой, чтобы поглядеть в последний раз на свою подругу»... Нет, я не буду это читать. (*Пытается спрятать книгу*).

АЛИНА. Читай.

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, сейчас, Аличка, я тебе *это* читать не буду.

АЛИНА. Читай!

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, Алюша.

АЛИНА (*отнимает книгу после непродолжительной борьбы, читает сама громко вслух*). Едва оказавшись в склепе, он открыл и поднял фонарь и увидел, что его милая Джульетта лежит среди костей и истлевших одежд мертвецов.

Всхлипывает. Джульетта Петровна вторит ей.

ДЖУЛЬЕТТА. Что же ты наделала, Аличка... Мы ведь на втором этаже живем!..

АЛИНА. И тогда, проливая обильные слезы, начал так: «Очи, вы были моими очами, пока небо мне благоволило, яркими светочами! Уста, мною тысячу раз нежно целованные! Прекрасная грудь, с радостью дававшая отдохновение моему сердцу! Зачем обрел я вас слепыми, немыми и холодными? Зачем видеть, говорить и жить мне без вас? (*Плачет*). О горестная моя супруга, куда приведена ты Амуром! Неужто ему угодно, чтобы в этом узилище угасли и упокоились мы оба – несчастные влюбленные? Увы, не то сулила мне надежда, не то сулила мне страсть, какую зажгла во мне твоя любовь! О злосчастная моя жизнь, неужто ты мне еще нужна!»

Обе рыдают.

Так плачут они довольно долго. Но вот рыдания Алины начинают стихать, все реже слышны ее всхлипы и наконец вовсе затихают. Джульетта Петровна, размазывая ладонями по лицу слезы, тоже прекращает хлюпать носом. Сидит, молча глядя на внучку, изредка еле-еле покачивая головой.

Затем поднимается, идет к столу Эрны, садится напротив нее.

Скрипы и шорохи.

Едва угадываемые обрывки хором из каких-то музыкальных драм Рихарда Вагнера.

Невнятные спорящие голоса и тающие смешки.

Так сидят они какое-то время безмолвно.

Нервный свет свечи озаряет их лица.

ЭРНА. Фотон с длиной волны $\lambda = 4,2$ пм испытал лобовое столкновение с электроном, двигавшимся ему навстречу со скоростью v . Найти v , если после столкновения фотон движется в обратном направлении с той же длиной волны.

Джульетта Петровна долго смотрит на Эрну,

*потом кладет перед собой на стол руки,
склоняет на них голову.
Затемнение.*

Об авторе: **Виталий Владимирович АМУТНЫХ** родился в 1960 году в гор. Североморске Мурманской области в семье морского офицера. Служил в Туркестанском военном округе. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг: «Матарапуна» (Литфонд, 1992), «Дни на излете безумия» (ТЕРРА, 1994). «...СКОЕ ЦАРСТВО» (ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ, 2002), «Русалия» (ТЕРРА, 2010). Член СП России с 1994 года.